

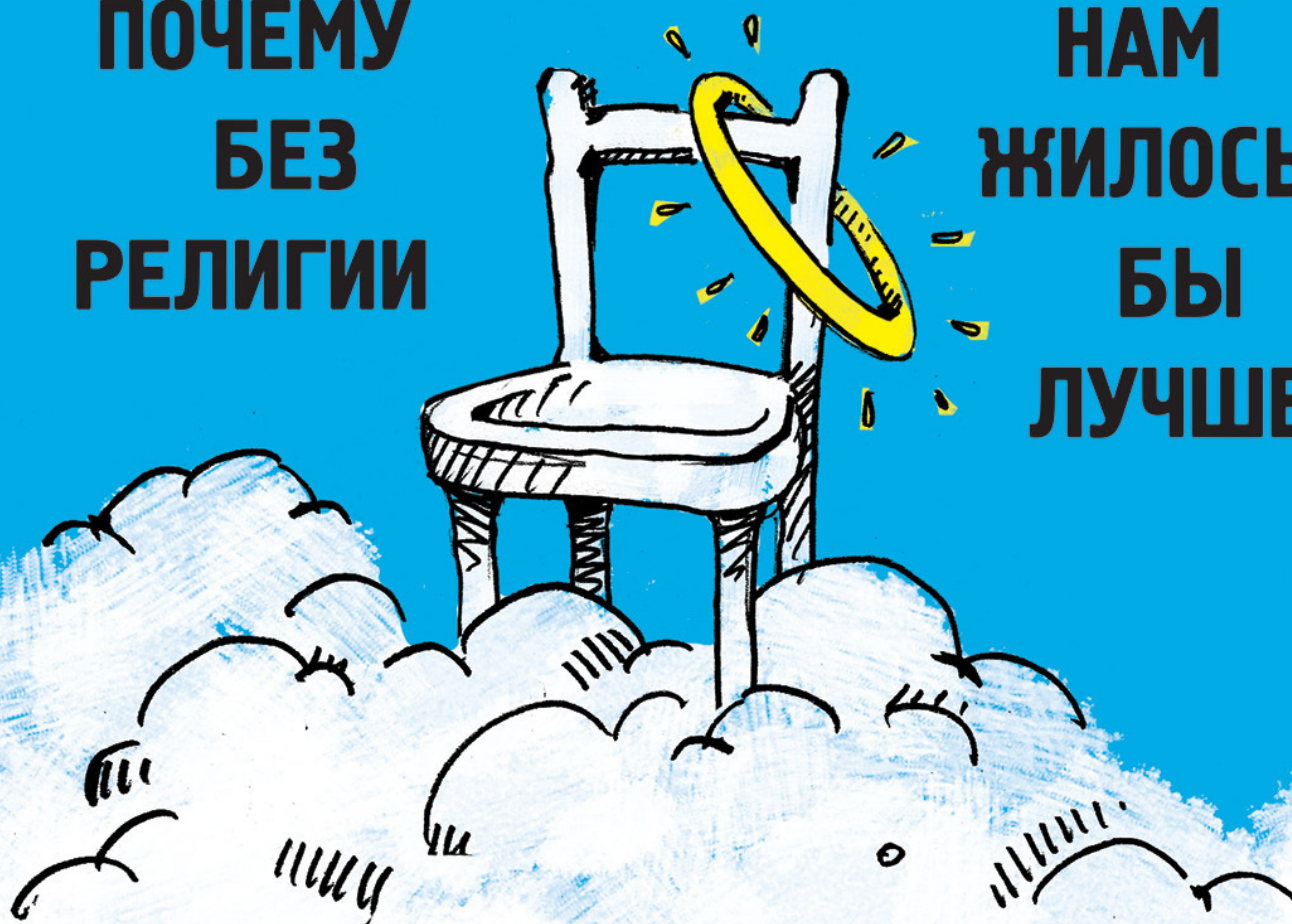
БЕЗ БОЖНО СЧАСТЛИВ

ФИЛИПП
МЁЛЛЕР

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР
В ГЕРМАНИИ

ПОЧЕМУ
БЕЗ
РЕЛИГИИ

НАМ
ЖИЛОСЬ
БЫ
ЛУЧШЕ

ДУХОВНАЯ СКРЕПА. А КАК У НИХ?

«Отличное введение в проблематику настоящей роли религии в современном светском обществе на примере Германии». **АНОНИМ**

Религия. Война за Бога

Филипп Мёллер

**Безбожно счастлив. Почему без
религии нам жилось бы лучше**

«ЭКСМО»

2017

УДК 2-1
ББК 86

Мёллер Ф.

Безбожно счастлив. Почему без религии нам жилось бы лучше /
Ф. Мёллер — «Эксмо», 2017 — (Религия. Война за Бога)

ISBN 978-5-04-094880-2

Оригинальное введение в проблематику настоящей роли религии в современном светском обществе на примере Германии. Автор этой книги, молодой школьный учитель математики, не пошел на поводу у церковных пастырей и озабоченных общественной моралью чиновников и политиков, а решил разобраться лично, почему сегодня так много говорят о религии. Сможет ли здравый смысл одержать победу над пропагандой? Какая же она, духовная скрепа по-немецки? Сколько на самом деле верующих? Почему клерикальные функционеры делают из атеизма страшилку? Кто и почему платит церковный налог? На что церковь тратит полученные от государства деньги? Что и зачем рассказывают детям на уроках религии в школах? Как же низко пали аморальные атеисты? О чем на самом деле заботятся противники абортов и эвтаназии? Безбашенный юмор здесь чередуется с горькой иронией, радость ярких мгновений разбавлена трагедиями. И как будто бы религия должна помочь во всем разобраться, выработать правильный взгляд на вещи, преодолеть все невзгоды и сделать лучше мир, но вдруг автор прав и без религии нам жилось бы легче и лучше?

УДК 2-1
ББК 86

ISBN 978-5-04-094880-2

© Мёллер Ф., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Прежде всего	7
Иисус. Библия и шикарный бордель	8
«БТК[8] все еще верит в Бога»	17
Умора вместо адской муки	19
Христианское преследование 2.0	23
Духовный аспирин	30
Возвращение Бога	39
Мой первый раз	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Филипп Мёллер

Безбожно счастлив. Почему без религии нам жилось бы лучше

Philipp Moller

Gottlos GIQcklich. Warum wir ohne Religion besser dran waren

Originally published as: “Gottlos gliicklich. Warum wir ohne Religion besser dran waren”

© S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2017

Перевод с немецкого *А. Лукьянова*

© S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2017

© Лукьянов А.В., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Прежде всего

Дорогая читательница, дорогой читатель,
благодарю вас за решение купить мою книгу. Для максимально возможного удовольствия от чтения любезно рекомендую обратить внимание на следующие моменты безбожного счастья:

- 1) Эта книга построена тематически и только внутри глав – хронологически.
- 2) Осторожно, некоторые из напечатанных здесь текстов могут оскорбить религиозные чувства (сорри!).
- 3) Постфактические аргументы – не мой репертуар, поэтому я подкрепляю свои личные переживания и позиции источниками в приложении. Например: в репрезентативном опросе 79 % примерно из 180 000 опрошенных немцев в возрасте от 18 до 34 лет сказали, что они счастливы без Бога¹.

4) Религия – это дьявольски сложная тема. Если вы упустите отдельные ее аспекты на последующих страницах, то вам придется так же туго, как и мне.

5) Проще обманывать людей, чем убеждать их, что они были обмануты, сказал Марк Твен, – вот почему я даже не пытался так поступать.

Ну а теперь я желаю вам чтения с безмятежным удовольствием и с нетерпением буду ждать ваших отзывов и объективной критики на моей странице в Фейсбуке [facebook.com/moellerberlin](https://www.facebook.com/moellerberlin).

*От всего сердца,
ваш Филипп Мёллер
(конец лета 2017)*

Иисус. Библия и шикарный бордель

Просто картина для богов: на задворках Кройцберга¹ семь человек сидят в конференц-зале рекламного агентства и заворуженно глядят в ноутбук. Уже поздно; остальные сотрудники агентства давно уже закончили рабочий день; в офисе темно. Только семь лиц освещены бледным светом дисплея. Рты их открыты, глаза моргают как можно реже.

«Нам нужно двадцать тысяч евро, – говорит старейший из них, не отрывая глаз от монитора. – Тогда мы сможем отправить первые автобусы!»

Он сглатывает, затем снова воцаряется тишина. Мягкий и дружелюбный «дзынь» звучит из ноутбука, семеро открывают глаза, улыбаются, сжимают кулачки, затем смотрят на свою домашнюю страницу.

На ней видна панель для пожертвований, которая сообщает каждому дружеским тоном, что деньги прибыли. Она почти полностью зеленая.

И снова: «дзынь!», на панели значится 19 815 евро.

Покусывая свой левый большой палец, я заворуженно наблюдаю за прогрессом на панели и держу свой телефон в правой руке. Мой старший коллега сидит рядом со мной, его имя – Карстен Фрерк. В свои 65 лет, со своей докторской степенью, несколькими книжными изданиями о церковно-государственной финансовой интеграции, выступлениями на ток-шоу и связью со всеми потенциальными партнерскими организациями, этот политолог – безусловно, самый опытный активист в наших рядах. Он уже закончил наш пресс-релиз и навел указатель мыши на команду «опубликовать». Педер Иблер – владелец и управляющий директор рекламного агентства, художник-график, желающий развернуть кампанию в Германии, – наш инициатор. Он нервно покручивает в руке свой телефон, номер службы берлинского общественного транспорта уже набран. У нашего фотографа Эвелин Фрерк наготове фотографии нашего отряда «Безбожная семерка», которые мы запустим на сайт через несколько минут. Мелания держит в руках бутылку шампанского. Ральф принес семь бокалов. А Роберт заносит в блог и одновременно в Фейсбук и Твиттер все, что мы здесь делаем.

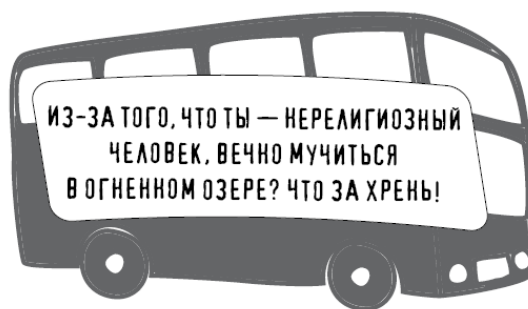
Если дойдет до 20 000 евро, значит, мы совершили первый и гигантский шаг – многие недели работы будут вознаграждены. И пока банк пожертвований медленно, но верно заполняется, я еще раз напоминаю себе, что все это началось не здесь, а в Лондоне.

Там, за несколько месяцев до этого, женщина по имени Эриан Шерин стоит у автобусной остановки и пребывает в хорошем настроении, пока перед ней не останавливаются два лондонских автобуса, на которых начертан заковыристый вопрос из Евангелия от Луки:

*When the son of man comes, will he find faith on the earth?*²

¹ В настоящее время один из самых бедных районов Берлина. (Здесь и далее звездочки означают примечания переводчика.)

² «Когда придет Сын Человеческий, найдет ли Он веру на земле?» (англ.)

А ответ на не совсем нейтральный вопрос, найдет ли Иисус веру, когда Он прилетит и высадится на Землю, разместившие рекламу фанаты Иисуса дают наконец на своей домашней странице, которая также крупно изображена на автобусе, – и дают его в форме Евангелия от Матфея:

You will be condemned to everlasting separation from God and then you spend all eternity in torment in hell. Jesus spoke about this as a lake of fire which was prepared for the devil and all his angels and demonic spirits³.

Из-за того, что она – нерелигиозный человек, всю вечность мучиться у дьявола в огненном озере – что за хрень?! Молодая журналистка не желает мириться с этой настолько же зверской, насколько и пустой угрозой и запускает первую в мире атеистическую автобусную компанию: она хочет запустить пропаганду свободной от религии жизни, рекламируя ее на знаменитых красных лондонских автобусах. Первая половина необходимых денег приходит от пожертвований в интернете, вторую берет на себя Ричард Докинз, профессор биологии и выдающийся автор и активист-просветитель. И поскольку воодушевление, охватившее британцев в связи с этой кампанией, вбрасывает в казну британских атеистов в десять раз больше запланированной суммы в 15 000 фунтов, то чуть позднее на многих лондонских автобусах можно уже прочесть их послание:

There's probably no god, now stop worrying and enjoy your life!⁴

Дзынь: 19 835 евро!

Быстро появляются международные подражатели этой кампании, и вскоре итальянские, испанские, хорватские и даже канадские, австралийские и американские автобусы начинают развозить по своим линиям новость о том, что Бога, по всей видимости, нет, а поэтому людям следует расслабиться и просто наслаждаться жизнью. Но в ходу и другие слоганы, дающие понять, что люди, свободные от вероисповеданий, не станут более терпеть всемирного религиозного высокомерия.

История Эриан Шерин находит дорогу и в моей фейсбучной ленте – и мне она нравится. Лично я, несмотря на религиозное обучение и даже походы на причастие, так никогда и не стал религиозным, но именно потому, что религия всегда была мне совершенно безразлична... Какое мне дело до того, во что верят другие? Не говоря о том, что во всем моем окружении и так уже едва ли найдется кто-то религиозный, сколь бы странно ни выглядела чья-то вера – она меня, пожалуй, позабавила бы, но уже не внушала бы беспокойства, тем более что в

³ «Вы будете обречены на вечное отлучение от Бога, а потом проведете всю вечность в мучениях в аду. Иисус говорил об этом как об огненном озере, которое было приготовлено для дьявола и всех его ангелов и бесовских духов» (англ.).

⁴ «Бога, вероятно, никакого нет, так что хватит беспокоиться – просто наслаждайтесь жизнью!» (англ.).

Германии религия – это, в конце концов, частное дело и строго-настрога отделена от государства: церковные дела оплачиваются церковными налогами, в политике нашего демократического правового государства религиозные убеждения также не играют никакой роли, и все же христианство породило основные ценности нашего общества. И где были бы мы сегодня без тех социальных услуг, которые делает возможными церковь, не правда ли?

Дзынь: 19 850 евро.

Однако на борту международных атеистических автобусов, которые тогда ездили по моим соцсетям, не только не красовались крутые лозунги, но и не приводились нелицеприятные факты. За несколько дней меня захлестнул настоящий информационный поток и унес с собой все то, что я до сих пор думал о религии и вере.

Моя дипломная работа только что была представлена, и я подал заявку в поисковике вакансий, пока ожидал отзыва о своей работе и ее оценки. Поэтому я почти все время сидел перед компьютером, читал критикующие религию статьи в газетах и дискуссии на форумах, смотрел видео и пожирал книги и журналы – все время качая головой и раскрыв рот. Больше всего мне вспоминаются высказывания одного до тех пор неизвестного политолога, который несколькими фразами отвалил меня от веры:

«Протестантская и Католическая Церкви вместе ежегодно собирают около 10 млрд церковного налога, но также получают более 19 млрд евро в виде прямых и косвенных субсидий – из общих денег налогоплательщиков»³.

«Что-что? – подумал я тогда. – Но они же вкладываются в социальную работу церквей, разве нет?»

«И они вкладываются не в социальные службы, – продолжил дружелюбный человек с серебряными волосами и в твитовом жакете, – а только во внутрицерковные дела, например – в зарплату пасторов и священников и на их обучение».

«Но как же тогда церкви финансируют свои больницы и дома престарелых?» – спросил я себя, а человек ответил:

«Эти социальные учреждения стоят около 42 миллиардов евро в год и на 98,2 процента финансируются за счет государственных средств, церкви же дают оставшиеся 1,8 процента»⁴.

Как соляной столб сидел я перед своим компьютером, смотрел разные его выступления на YouTube и надеялся, что этот доктор Карстен Фрерк, возможно, ошибся в своих расследованиях.

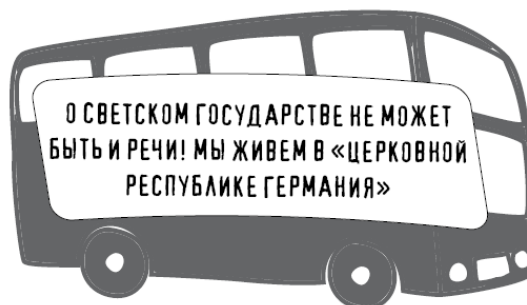
Однако в одном из постов можно было видеть Петера Беера, генерал-викария епархии Фрайзинга, который сидел с белой ленточкой в воротничке в офисе, отделанном деревянными панелями, и не только не оспаривал эти факты, но просто ошеломляющим образом оправдал субсидии, которые дает церкви государство:

«Да ведь вы платите даже за депутата, которого вы не выбирали»⁵.

«О светском государстве, в котором религия и государство отделены друг от друга, здесь не может быть и речи! – окончательно подтвердил Фрерк мое новое впечатление. – Мы живем в «Церковной республике Германия».

Я расхохотался, а потом побежал, как сумасшедший, по нашему общежитию и всем рассказал то, о чем только что узнал, затем погуглил по поводу этого политолога и нашел массу других фактов, еще более бессмысленных, вопиющих, но забавных и одновременно весьма серьезных фактов из сферы богов и папства, пастухов и овец, нечестивого альянса выбор-

ных народных представителей и самозваного наземного персонала, обслуживающего какого-то якобы всемогущего Бога Творца.

Схватив телефон, я позвонил своему отцу. Насколько я понимаю, он служит церковным музыкантом в одной из католических общин в мелкобуржуазном Западном Берлине, но при этом он – вовсе не уперто-набожный, а в первую очередь музыкант.

«Ну, Филипп, насколько я люблю церковную музыку и... – мой отец сделал длинную паузу, – ...и насколько я верю в высшую силу, которую можно было бы назвать Богом, – настолько же важно критически относиться к институту церкви. Вот почему мы всегда придавали большое значение тому, чтобы вы, дети, позднее могли сами решить, как вам относиться к религии». Он тихо рассмеялся себе в нос. «Это решение начало назревать в тебе довольно рано, а теперь ты, похоже, принял его окончательно».

Ну, приехали! Фактически вера в Бога никогда целенаправленно не преподавалась ни мне, ни моим братьям и сестрам, но в эти дни моя размытая вера в идеологически нейтральное государство и в церковь как социальный институт стала стремительно распадаться.

Дзынь: 19 855 евро.

Разумеется, я не делал тайны из тех фактов, о которых узнал, а также из своей позиции, связанной с ними: религиозному высокомерию следует дать отпор, а интеграцию государства и церкви – ликвидировать!

В своей среде я далеко не один был убежден в этом – наоборот! Но только я один считал, что данный вопрос достаточно важен, чтобы за громкими словами следовали политические действия. Поэтому сначала я связался через интернет с людьми, которые именно этим и занимались в различных сообществах, и первым делом договорился о встрече с профессиональными атеистами.

И если бы понадобилось, чтобы перед этой встречей известная капля переполнила чашу моего терпения, то, пожалуй, это и произошло, когда я вошел на станцию метро и оказался перед большим рекламным щитом, где на линованной школьной доске было написано белым рукописным шрифтом:

Ценности нуждаются в Боге!

Извините, что?! Сначала я нашел эту фразу не такой ужасной, как ее британские соотечественники, ведь тут, в конце концов, не угрожают испепеляющим адом. Но чем больше я размышлял об этом в следующей поездке на метро, тем более ужасной начинала мне казаться немецкая версия религиозного высокомерия – она предполагает, что люди сами по себе не способны к развитию ценностей, а значит – у неверующих, таких как я, никаких ценностей нет вообще. И, как будто эта фраза сама по себе была недостаточно бесцеремонной, она исходила от организации, которая оставила кроваво-красный след террора в наших книгах по истории и до сих пор заправляет чрезвычайно успешным видом бизнеса:

Сначала церковь внушает людям свою веру, а потом бесстыдно ее использует.

В шоке от того, что я, как пассажир общественного транспорта в своем родном городе, столкнулся со столь безграничной наглостью, дома я навел справки о том, что это за кампания: *Ценности нуждаются в Боге*, – и чуть не упал со стула.

Дзынь: 19 860 евро.

Примерно спустя два года после того, как Хатун Сюрюджю за свой «западный образ жизни» была заколота собственным братом прямо на улице и там истекла кровью, правительство Берлина приняло решение ввести в средних школах этого культурного и столь мировоззренчески многообразного города курс государственной этики. Этот курс должен быть стать дополнением к конфессионально разделенному и добровольному в Берлине религиозному образованию. Задача курса состояла в том, чтобы позволить детям, чьи родители верят в разных богов, скорее общаться друг с другом, чем говорить друг о друге. Здесь они должны были узнать, что существуют разные мировоззрения и религии, требующие от своих последователей различных правил, но также и то, что небесные правила не стоят над мирским законом, даже если на чисто языковом уровне возникает естественным образом подобное впечатление.

Церковным лобби и партиям это явно не понравилось, а именно из-за того, что религиозное образование в Берлине, по их мнению, и без того не воспринималось бы всерьез. Поэтому они основали инициативу *Pro Reli*⁵, нашли влиятельных сторонников в политической сфере и в СМИ и бесцеремонно заявили, что Берлинский Сенат решил (обратите внимание!) отменить религиозное образование!

Конечно, это было совсем не так, но этой виртуозной ложью церковное лобби хотело не только помешать внедрению обязательных внеконфессиональных уроков этики, но и одновременно ввести в школьную программу обязательное конфессиональное религиозное обучение. В Берлине его нет до сих пор: участие в нем является добровольным, отметки заносятся в отдельный аттестат и никак не влияют на переход в следующие классы. Поэтому вместо того, чтобы вводить общий класс этики, представители *Pro Reli* теперь требуют, чтобы учащиеся выбирали между религией и этикой, – и в то же время религия должна стать стандартным

⁵ «За религию»; это – сокращение от «Volksentscheid über die Einführung des Wahlpflichtbereichs Ethik/Religion»: «Референдум о введении обязательного выбора между этикой и религией» (нем.).

предметом, то есть оцениваться и влиять на перевод в следующий класс так же, как математика, немецкий или английский.

Pro Reli якобы требовала свободы выбора, на самом же деле хотела ввести принудительное голосование и тем самым ограничить свободу. А поскольку от организации, претендующей на то, что она изобрела любовь к ближнему (и, следовательно, благотворительность), в действительности ответственна за тысячелетие мрака и порчи, ожидать можно было чего угодно, в меня вселилась тревога.

Pro Reli хотела добиться на референдуме того, чтобы теперь ученицы и ученики могли успешно изучать и в Берлине предметы не только научные, но и религиозные.

Объединившись с финансово сильными партнерами, компания, по-видимому, пустила в ход все средства и вскоре по всему городу, в основном в метро и на пригородных станциях, разместила плакаты, где в различных формах повторялась преднамеренная и целенаправленная ложь: мол, Берлинский Сенат хочет отменить религиозное образование, и это вопреки тому, что ценности сообщаются нам исключительно Богом! То же самое внушалось через радиорекламу, через многочисленные газетные статьи и интервью и через заявления личного характера: Ангела Меркель, Франк-Вальтер Штайнмайер, Вольфганг Тирзе, Андреа Налес, но также и Гюнтер Яух, и даже столь умные люди, как Эккарт фон Хирш-хаузен, без всякого сожаления поддержали эту кампанию богопоклонников «Пеппи Длинныйчулок»: ведь они издавна делали мир таким, каким он им нравится!⁶

С такими капленными тузами в рукаве активисты *Pro Reli* устремились не только в церкви, но и на улицы, собирая там подписи для проведения референдума – с умеренным успехом: крайний срок подходил к концу, а подписей было недостаточно. И берлинцы, как и я раньше, подумали: «Религия? Да ведь она мне совершенно по фигу!»

И поскольку ГОСПОДУ и его наземному экипажу могло помочь разве что чудо – оно-то и произошло: в образе Берлинской Транспортной Компании.

Те, которые принципиально не допускали никакого сбора подписей в своей сфере бизнеса, сделали-таки для *Pro Reli* первое и последнее исключение в истории общественного транспорта. Целые полчища записных христиан ринулись в вагоны и в автобусы, рассказывали людям, что они сами думали – что Берлинский Сенат хочет упразднить религиозное обучение, а они, напротив, выступают за свободу, – в общем, им удалось до истечения срока набрать достаточно имен тех людей, которые либо действительно считали, что отдельное религиозное образование будет способствовать диалогу религий, либо просто подписались как сомневающиеся.

День за днем следил я за всем этим цирком и никак не мог понять, почему же религия была мне раньше безразлична, – такое меня охватило негодование!

Дзынь: 19 900 евро.

На пике этого негодования я написал свои первые посты на соответствующих страницах Фейсбука, сразу попал в команду виртуального планирования кампании по отправке атеистических автобусов также и на территории Германии, и вскоре меня пригласили на первую реальную встречу.

Так что однажды после полудня я прошел через задворки Кройцберга в офис рекламного агентства, где шестеро других активистов встречались уже во второй раз – и одним из них был

⁶ Ср. цитату из песенки «Пеппи Длинныйчулок» (см.: [https:// de.lyrsense.com / treibhaus / pippi_langstrumpf/](https://de.lyrsense.com/treibhaus/pippi_langstrumpf/)).

политолог Карстен Фрерк. Впервые я оказался в компании людей, хотя и незнакомых, но, как и я, возмущенных высокомерием религиозного лобби и его наглой ложью. И раз уж я смог наконец дать выход своему негодованию, то говорил бы еще долго, если бы меня не перебил один из активистов.

«Тебе, похоже, нравится говорить, не так ли? – улыбаясь, он протянул мне мобильный телефон с оплаченным тарифом. – Я хотел бы предложить тебе стать пресс-секретарем нашей кампании. Ты когда-нибудь брал интервью?»

Я покачал головой.

«Тогда мы поупражняемся в этом сегодня. Что думают другие?»

Остальные пятеро кивнули, и после подробного инструктажа я, наконец, стал официальным пресс-секретарем автобусной кампании.

«А кто ты, собственно, по профессии?» – спросил меня наконец Педер, когда семерка безбожников собирала свои вещи и заканчивала работу этого дня.

«Ну... я – ваш пресс-секретарь», – правдиво ответил я.

Остальные рассмеялись и переглянулись в некотором смущении.

«Нет, серьезно, – спросила на этот раз Эвелин, фотограф, – чем ты зарабатываешь на жизнь?»

«Хороший вопрос! – я почесал подбородок. – Закончил изучать педагогику две недели назад, теперь я ожидаю, как оценят мой диплом, и тем временем подыскиваю работу. Больше всего, конечно же, мне хотелось бы заняться чем-то таким, что оставляло бы мне время для нашего дела».

«Тогда стань учителем! – предложил муж Эвелин Карстен. – Сенату отчаянно требуются учителя, а тебе это как раз подходит. У тебя будет оставаться время и для атеизма».

«Теоретически, да, но я... – Мысль, что я буду стоять перед классом, бросала меня то в жар, то в холод. – Я совсем не хочу следовать по стопам моих родителей!»

Дзынь: 19 915 евро.

Через две недели я устраиваюсь на работу в качестве помощника директора начальной школы, зарабатываю несколько евро и, проверяя домашнее задание, задаюсь вопросом: разве это не безумие – быть в наше время учителем, ведь дети – такие сумасшедшие, и агрессивные, и бесконечно далекие от того уровня обучения, который подобает их возрасту.

Я работаю в школе до полудня, а затем провожу время в кругу семерых безбожников. Там, прежде всего от Карстена Фрерка, я могу узнать, как давно уже он и различные ассоциации и фонды действуют, добиваясь разделения церкви и государства, и как сильно сопротив-

ление христианского лобби в партиях и официальных церквях, несмотря на то что при т. н. секуляризме речь идет о конституционном принципе⁷.

Тогда, в 2009 году, я уже с осторожностью намекнул на то, какую роль в этом контексте сыграл бы ислам.

Попутно мы переводим английский слоган – возможно, типично по-немецки, несколько чопорно:

«Никакого Бога (с вероятностью, приближающейся к уверенности) не существует» —

и мастерим свою домашнюю страницу. Здесь сторонники акции могут не только жертвовать, но и голосовать при каждом пожертвовании, какой из пяти заголовков они хотели бы видеть на первых автобусах. Успех не заставляет себя ждать:

Наполицианская жизнь не нуждается в вере — вот этот заголовок нам особенно нравится.

Нечего спорить и о том, где мы начнем свою акцию: разумеется, в столице диаспоры, где 63 процента жителей не принадлежат ни к какой конфессии, а церкви регулярно посещает менее 10 процентов, – в Берлине!⁸

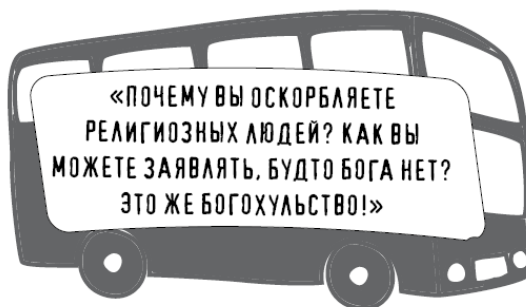
Телефонный разговор с офисом, отвечающим за Берлинскую Транспортную Компанию, – некоторая веха в нашем начинании: нам говорят, что, мол, слоган вполне понятный, так что, пока мы не нарушаем конституционный принцип, мы можем рекламировать что угодно!

Дзынь: 19 920 евро.

Этим объясняется и тот факт, что в берлинском транспорте и на его остановках с полным правом размещаются и такие, например, рекламные объявления: *«Любой, кто уверует в Иисуса Христа, будет иметь жизнь вечную, – Евангелие от Иоанна 3:36»*, — эту цитату из Библии разместила на плакате в метро одна молодежная христианская организация. Даже розенкрейцерам, предлагающим фантастическую и грубую смесь восточных и западных тайных учений, разрешено выставлять здесь свои рекламы. Тут печатаются и сомнительные мгновенные кредиты – *«Никакого шуфа-контроля!»*⁷ – заманивающие потребителей в сети частного банкротства, не говоря уже о том, что через нашу столицу даже разъезжают двухэтажные автобусы с рекламой крупнейшего борделя в Берлине: *«Артемиды, берлинский эротический рай!»*

Похоже, в области рекламы отражается многообразие мировоззрений, однако этические рамки у нее... м-м, скажем так, весьма широки. Зато почти банально звучит утверждение о том, что во вселенной все происходит закономерно, то есть ни святые, ни духи, ни даже святые духи в законы природы не вмешиваются.

Дзынь: 19 950 евро.

⁷ Шуфа (Schufa) – Schutzgemeinschaft für Allgemeine Kredit-sicherung – это коммерческая организация, которая защищает кредитора от риска. Шуфа – это также бюро кредитных историй. Шуфа есть у каждого жителя Германии. В ней регистрируются все денежные обязательства, все ваши потребительские кредиты (и не только) записываются в шуфу – будь это дом, холодильник, машина или телефон в кредит, а также все ваши операции по кредитным картам.

Когда запускается наш веб-сайт и выходит информационное сообщение с нашим слоганом и фотографиями, я вдруг понимаю, для чего у меня имеется второй мобильник: ведь он уже то и дело трезвонит.

Мой шеф по основной работе, директор школы, понял тем временем, что я умею считать и от полного нуля повысил меня до ста процентов, предложив мне должность учителя математики. «Ваши классы – 5А и 6Б, вот вам книжки, а вон там – дети; вопросов нет?»

На каждой перемене я прячусь в тихий уголок, смотрю электронную почту, отзваниваюсь журналистам и снова и снова отвечаю на вопрос: «Почему Вы это делаете?»

Конечно, никто не восклицает: «Господи, помилуй!», однако вопросы далеко не всегда нейтральны: «Почему Вы оскорбляете религиозных людей? Как Вы можете заявлять, будто Бога нет? Это же богохульство! Да и зачем Вам в государстве, где правительство отделено от религии, рекламировать жизнь без Бога?!»

Наш план потому и работает, что теперь я могу диктовать журналисту то, чему ужасно трудно попасть в газеты: «Наше государство идеологически нейтрально только на бумаге, на самом деле оно переплетается с церквями в бесчисленных пунктах – мы живем в “Церковной республике Германия”, как любит говорить Карстен».

Дзынь: 19 980 евро.

Еще не выехал ни один автобус с нашим лозунгом на борту, а кампания наша уже вызвала в республике небольшую бурю в стакане воды; так что нам следует быть настороже, чтобы дело не зашло слишком далеко. Будем честными: кучка неверующих, которые собирают 20 000 евро и пишут на двух-трех автобусах, что они не верят в Бога – ну и что? Ведь в Германии XXI века не лает ни одна собака, и прежде всего в Берлине!

Но Тони Й. (21 год) из Дюссельдорфа меняет все. Он жертвует 20 евро.

«БТК⁸ все еще верит в Бога»

Мы танцуем и прыгаем, падаем друг другу в объятия и пьем игристое вино, но тут звонит мой пресс-телефон – я беру его, и молчание восстанавливается.

«Автобусная кампания, Филипп Мёллер, алло? – я даю себе заразиться ликованием моих коллег-без-божников. – Чем я могу вам помочь?»

«Мира Бах из TAZ⁹, привет!» Я включаю динамик и пишу фломастером три большие буквы «TAZ» на нашей белой доске. «Поздравляем с пожертвованиями, – говорит она, – что дальше?»

«Спасибо! Сейчас мы звоним в БТК и...»

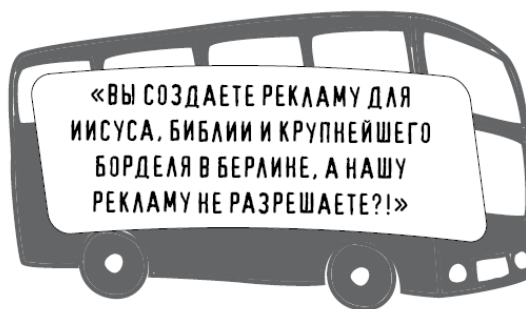
«В Берлинскую Транспортную Компанию?»

«Да, и мы закажем первые автобусы!»

«И они вам позволят?» «Они сказали, что позволят, – у меня рот до ушей. – Сейчас мы там вводим в эксплуатацию первые три автобуса, а затем запускаем нашу автобусную кампанию по расписанию!»

«Когда это будет?»

Педер поднимает два пальца кверху и шевелит третьим.

«Завтра, – быстро говорю я, подмигивая Педеру. – В крайнем случае, послезавтра!»

Пока дама из TAZ задает дальнейшие вопросы, то и дело звонят фоном на второй линии, а затем звонят на телефон Педера. Я снова выключаю динамик и прикладываю телефон к уху, слушая журналистку, но ее быстро прерывает Педер.

«Что-что?!» – раздается в нашей штаб-квартире его крик.

«Но Вы же дали нам согласие!»

«Что случилось?» – хочет знать Мира из TAZ.

«Хороший вопрос! Вы слушайте!»

«Вы создаете рекламу для Иисуса, Библии и крупнейшего борделя в Берлине, – почти орет в телефон Педер, – а нашу рекламу не разрешаете?!»

Я отнимаю у него телефон, включаю динамик и держу свой мобильник наготове.

«Очень просим Вас проявить понимание, – слышим мы женский голос. – Но БТК – не место для идеологически окрашенной рекламы!»

«Но это же чушь! – возмущается Педер. – У Вас же все полно идеоло...»

«Мне очень жаль, но решение уже принято. – Дама вздыхает. – Ваш слоган в бизнесе БТК мы ни в коем случае не допустим. Всего хорошего!» На линии щелчок и гудок. Мы уставились

⁸ Берлинская Транспортная Компания.

⁹ Сокр.: Tageszeitung (букв.: «Газета дня»).

друг на друга. Пить шампанское уже нет настроения. Лица у нас вытянулись. Педер кидает телефон на стол и трет себе глаза.

«Алло? – внезапно раздается из мобильного. – Господин Мёллер?» «Да! – я снова включаю динамик. – Вы все это слышали?»

«Ясное дело! – Мира Бах экзальтированно смеется. – И еще раз мои искренние поздравления!»

«Поздравления?! – Мы озадаченно переглядываемся. – Но мы же...» «Вам ведь должно быть ясно, что означает этот отказ – или нет?!»

Теперь на задворках Кройцберга семь человек в офисе рекламного агентства стоят и зачарованно смотрят на мобильник. Следует восклицание репортерши:

«Это же СКАНДАЛ, это же ЦЕЛАЯ ИСТОРИЯ! И не надо мне рассказывать, будто вы к нему не причастны!»

«Э-э-э...»

Слышится громкий шорох, где-то на фоне телефонного разговора хлопают двери, дама из TAZ бодро говорит с кем-то, дает инструкции и совсем запыхалась. Потом она снова обращается ко мне.

«Внимание: я сейчас позвоню в БТК, а вы повторите начальную запись. Тем временем перепишите сообщение для прессы, потом встретимся и все обсудим, о'кей?» «Ясно, – все кивнули. – Когда?» «Вы где находитесь?» «Кройцберг, метро Зюдштерн».

«Через пятнадцать минут я у вас! – опять шуршанье. – Тринадцать!» – гудок.

Умора вместо адской муки

Через три дня после того, как наша реклама жизни без Бога была отвергнута БТК на том основании, что они там хотят быть идеологически нейтральными, я стою на станции метро и смотрю в глаза великана Гюнтера Яуха.

«Берлин – это свобода!» – написано за его спиной на рекламном щите *Pro Reli* площадью почти в девять квадратных метров. А рядом – «Свободный выбор между этикой и религией».

Дизайн – совершенный, слоганы – изощренные, плакаты развешаны по всему этому чертовому городу, а правдивость этой кампании так же высока, как и идеологический нейтралитет БТК, то есть равна нулю.

Ибо то, что здесь преподносится как «свободный выбор» – *«Сделайте свою свободу сильной»* и *«Равенства свобод Берлину!»* — это на самом деле обязанность выбора: если кампания добьется своего, то учащиеся смогут в будущем посещать либо религиозные курсы, либо этические. Однако «свободный выбор» – посещать религиозные курсы или нет – уже давно существует, и незачем его обсуждать.

Поглощенный совершенно вероломным обманом этой кампании, я испытываю языческий ужас, когда на меня из тоннеля в метро, словно молния, летит оранжевый поезд. Я пользуюсь поездкой, чтобы немного подремать, потому что подработка учителем отбирает у меня невероятное количество энергии. Наконец выхожу на Зюдштерн и по дороге к агентству даю телефонные интервью для газет Франкфурта-на-Майне, Ганновера и Гамбурга, отказавших нам в размещении слогана «Безбожно счастлив».

«Что вас не устраивает в нашем отказе?» – спрашивает репортер из ганзейского города.

«То, что религиозная реклама в транспортной системе Гамбурга разрешена, а нашей рекламе отказано на том основании, что она хочет быть идеологически нейтральной. – Мимо меня проносится пожарная машина с сиреной, затем я продолжаю говорить. – Это же двойные стандарты, это же явно идеологическая дискриминация».

За последние несколько дней я узнал две вещи: подавляющему большинству журналистов нравятся короткие, четкие заявления – и нравится наша кампания! «Продолжайте, – часто я слышу после интервью, – хорошо, что кто-то это делает», – или: «Я все еще посещаю церковь, но тот факт, что вас повсюду отвергают, все-таки непостижим!»

Повсюду? Разве есть город, который бы допустил нашу кампанию? Небольшая германская деревня, которая может ускользнуть от длинной руки церковей? «Штутгарт, Мюнхен, Фульда! – ошарашивает меня Педер, когда я вхожу в штаб безбожной семерки. – Все отказывают на одном и том же основании».

И вот уже опять звонит мой телефон, на этот раз меня спрашивает местный журналист из родного города моего отца – из архикатолической Фульды.

Дзынь: 22 050 евро.

В мою странную профессиональную жизнь входит теперь что-то почти повседневное: в полседьмого звонит будильник, по дороге в школу я отвечаю на новые сообщения в электронной почте, с восьми начинаю в школе урок математики, а между делом даю теперь еще и уроки музыки и английского – то есть отдаю себя ученикам в буквальном смысле слова! – затем в полпервого покидаю бедное панельное здание школы: голова раскалывается, я говорю по мобильному и направляюсь в штаб-квартиру безбожников. Через несколько недель выясняется: нам отказали муниципальные транспортные компании Берлина, Бремена, Дортмунда, Дрездена, Эссена, Франкфурта-на-Майне, Фульды, Гамбурга, Ганновера, Кельна, Лейпцига, Мюнхена, Мюнстера, Нюрнберга, Потсдама, Регенсбурга и Штутгарта, то есть практически вся страна. То, что возможно реализовать в других, казалось бы, более консервативных странах, невозможно реализовать в мнимопросвещенной Германии: а именно рекламу жизни без Бога.

В то же время одобрение со стороны населения просто ошеломительное. Наш пресс-релиз побудил редакции газет по всей стране сообщать о нас как можно больше позитивного, заголовок из TAZ: «БТК все еще верит в Бога»⁹ – принес нам много сторонников, и пожертвования все прибывают и прибывают. Но сегодня особенно увлекательный день: «Шпигель-онлайн» во второй раз сообщил, что его репортер с трудом может поверить, будто нашей рекламе повсюду в стране отказывают. Этот репортер считает основанием отказа ограничение свободы слова, и статья его в любой момент может появиться в интернете.

«Давай, обнови страницу еще разок! – в нетерпении подталкиваю я Педера. – Статья должна там появиться вот-вот...» «Да ладно, Филипп, успокойся! – Педер мягко улыбается мне. – Важнее статьи был бы город, который позволил бы нам... Ух-ты! – Педер переключает статью на проектор, поворачивается к экрану и читает: – Немецкие города не хотят безбожных сообщений на автобусах»¹⁰.

Проходит всего полминуты, и слышится прекрасный звук: дзынь! И снова: дзынь! И еще раз: дзынь! Теперь дважды: дзынь, дзынь, а затем трижды: дзынь, дзынь, дзынь, – и пока мы все как заколдованные опять смотрим на экран и наблюдаем за ростом зеленой шкалы пожертвований, «дзыни» не прекращаются. В то же время Педер объявляет о внезапном увеличении трафика на нашей домашней странице, мобильный телефон Карстена раскалывается от звонков, Роберт до боли в пальцах барабанит по клавишам, сидя в Твиттере и Фейсбуке, я тоже постоянно вишу на телефоне, при этом раздается: дзынь, дзынь, дзынь! – число пожертвований растет ежесекундно и перешло уже отметку 25 000, – дзынь, дзынь, дзынь! – деньги все идут и идут, Мелания едва успевает повышать максимальную сумму пожертвований, вот уже 28 000 евро, 29 000 евро и наконец дошло до тридцати! Дзынь, дзынь, дзынь, – внезапно у меня на телефоне запрос из еженедельной газеты *Zeit*: Роджер Виллемсен хочет взять у меня интервью¹¹, я прошу: «Подождите до завтрашнего утра и следите за обновлениями», – дзынь, дзынь, дзынь – мы едва верим своим глазам: 32 000 евро; Роберт вперился взглядом в свой будильник и смеется как сумасшедший, и Педер заодно... – и вдруг: тишина.

Больше никаких дзыней.

«Алло? – говорит сотрудница *Zeit* по телефону. – Господин Мёллер?»

«Минуточку! – я отрываюсь от будильника и вопросительно смотрю на Педера, который безуспешно пытается обновить нашу страницу и пожимает плечами. – Я вам сейчас перезвоню, хорошо?»

Никаких дзыней, и не поступает больше ни цента.

«Что случилось?! – Карстен тоже прекращает свой телефонный разговор. – Может, интернет отвалился?»

«Не-ет! – Роберт качает головой. – Я в сети».

Мгновение мы переглядываемся с досадой, затем я не удерживаюсь и выглядываю из окна в сторону неба.

«Думаешь... это был Он? – спрашивает Педер и хохочет, заражая нас своим хохотом. – Нет, наверняка у этого есть вполне рациональное объяснение».

Снова воцаряется тишина, внезапно прерываемая звонком на стационарный телефон агентства.

«Кто же это теперь может быть?!» – Педер хмурится и отвечает: «Алло? Да-да, правильно, мы из автобусной кампании». – Педер включает динамик и кладет телефон на стол.

«Это из Хелпедии; вы затеяли эту кампанию пожертвований для атеистических автобусов, верно?»

«Да, а что, собственно случилось?!»

«Да просто сервер сломался! – раздался голос с телефона. – На нашей домашней странице за последние несколько минут было больше обращений, чем за все два года нашего существования!»

«Круто! Все уже спрашивают! – включается Роберт. – Так я сообщу по всем каналам, что мы вот-вот появимся онлайн?»

«Да, в любом случае! – говорит человек из Хелпедии; слышно, как он быстро бьет по клавиатуре. – Мы будем готовы через пару минут!»

Целую вечность мы смотрим на ноутбук и то и дело обновляем нашу домашнюю страницу, и вот снова появляется панель пожертвований, и звучит приятное и знакомое: дзынь, дзынь, дзынь!

Мы вздыхаем с облегчением, потом возвращаемся к своим задачам, а вечером собираемся вместе, чтобы обсудить положение вещей.

«Ну, люди, у нас серьезная проблема! – Педер проецирует нашу страницу на экран, и мы смотрим на нее, качая головами. – Ни один крупный немецкий город не дает разрешения нашей кампании, но... – Он усмехается. – Мы должны каким-то образом избавиться от неполных сорока тысяч евро. Есть идеи?»

Мы немного фантазируем: самолетная кампания? Самолет с воздушной рекламой: «Здесь, наверху, тоже нет никакого Бога»? Как-то напыщенно и малозаметно. Может, затеять классическую плакатную кампанию?

«Я уже запросил рекламную фирму Штреер, – Педер качает головой. – Никаких шансов!»

«Они что – единственные?» – интересуется Мелания.

«Ну, похоже, – Педер проецирует на экран бизнес-страницу фирмы Штреер. – Если хочешь разместить рекламный щит в Германии, то без них едва ли обойдешься».

Итак, мы продолжаем мозговой штурм: велосипедная кампания?

Неэффективно. Радиореклама? Тоже не очень внушительно: нужно создавать визуальные рекламы. Страничка в журнале «Шпигель»? Для этого у нас маловато средств.

«Извините, но все это – полное дерьмо! – Карстен потерял терпение и хлопнул кулаком по столу. – Мы обещали людям автобусную кампанию, и они должны ее заполучить! Мы тут с Эвелин обнаружили кое-что». Он дает жене знак, она соединяет свой ноутбук с проектором и переводит на экран фотомонтаж, при виде которого мы все сразу раскрываем рты.

«Это “красный гигант”, – объясняет нам Эвелин. – Классический берлинский двухэтажный автобус, по случаю такой же красный, как и лондонские автобусы. – Она подходит к экрану на цыпочках и проводит пальцами по бокам автобуса. – У него много места для нашей благой вести!»

«Круто! – вырывается у меня. – Это кабриолет?!»

«Именно! – Карстен кивает. – Мы уже говорили с фирмой. Мы могли бы уже весной арендовать его вместе с водителем и топливом и проехать на нем по Германии – и это будет наша собственная автобусная кампания!»

«Наша собственная автобусная кампания! – шепчу я, и у меня рот до ушей. Однако Карстен делает рукой предостерегающий жест. – А что мешает?» – интересуюсь я.

«Колоссальные организационные усилия! – Он подходит к доске и рисует на ней контуры нашей страны. – Если мы хотим, чтобы этот проект оказался действенным, то нам нужно объехать все крупные немецкие города. – Он с азартом намечает на доске точки и проводит между ними линии. – Все они займут недели две-три».

«И почему такой автобус?» – спрашивает Педер.

«Около тысячи евро в сутки, включая все дополнительные расходы. – Карстен кивает. – Это подходит в финансовом плане, и это огромный шанс, но... —

Он падает на стул и смотрит на меня. – Это тяжелая работа, в том числе для нашего пресс-секретаря!»

«Тяжелая работа, говоришь? – отвечаю я с ухмылкой. – Зато такая умора!»¹⁰

¹⁰ У автора непереводаемый каламбур: Heidenarbeit – букв.: «языческая работа», перен.: «тяжелая работа», Heidenspaß – букв.: «языческая забава», перен.: «умора».

Христианское преследование 2.0

«Итак, я приветствую вас, дамы и господа, на палубе “красного гиганта!” – В левой руке у меня микрофон, правой рукой я указываю вверх. – Мы только что арендовали кабриолет, чтобы вы могли ясно видеть небо – а вы видите там, наверху, то, что вижу я? – У большинства наших пассажиров в руках диктофоны, они записывают и при этом смеются. – Правильно, голубое небо, так что мы можем провести первую в истории нашей автобусной кампании пресс-конференцию на колесах при ярком солнечном свете! Добро пожаловать на премьеру, – торжественно восклицаю я, – на вполне официальный старт нашей автобусной кампании!»

Раздаются аплодисменты, так как очевидно, что на борту нашего переполненного автобуса не только одни репортеры, но и множество сторонников. Я прошу Карстен, Педера и Эвелин выйти вперед. Остальные из безбожной семерки на несколько недель вернулись к своей профессиональной жизни; и вот, после долгого периода планирования, мы оказываемся на верхней палубе автобуса, на котором начинаем сегодня трехнедельный тур по Германии, а нашу последнюю остановку мы обозначили так:

«БЕЗБОЖНО СЧАСТЛИВ».

Маршрут начинается перед Красной ратушей на Александерплац в Берлине, куда мы пригласили сегодня всех, кто заинтересован в нашей акции: жертвователей, журналистов, ну и, конечно же, горстку воинствующих христиан, хотя в целом это выглядит как собрание единомышленников. Все они толпятся внутри и снаружи и прежде всего на верхней палубе нашего «красного гиганта».

«Садись! – внезапно раздается резкий голос из динамика. – Поехать!»

«А, это, должно быть, Бьорн, наш водитель! – говорю я, садясь на штангу за ветровым стеклом так, чтобы моя голова не высовывалась из кабриолета. – Хочешь коротко поприветствовать наших гостей, Бьорн?» – спрашиваю в микрофон.

«Не-е! – отвечает Бьорн. – Я водить автобус, ты работать, карашо?»

«Ну карашо! – Люди на борту снова смеются. – Бьорн – берлинский водитель автобусов, он и должен быть таким, иначе это не подлинно. Мы можем ехать, Бьорн?»

«Не-е!» – кричит он теперь.

«Почему это?» – я улыбаюсь публике, и все мы ожидаем нового неуклюжего комментария.

«Меня блокировать автобус Иисуса. Если ты хочешь проверять...»

Я раздраженно встаю со своего места, оборачиваюсь и вижу белый автобус, припаркованный прямо поперек нашего. И если на нашем автобусе написано:

«(С вероятностью, близкой к уверенности) никакого Бога не существует – полноценная жизнь не нуждается ни в какой вере»,

то на белом автобусе написано:

*«А если Он все-таки существует...
Gottkennen.de»*

Перед автобусом стоит небольшая группа дружелюбных улыбающихся людей и подмигивает нам. На их футболках – такая же надпись, как на автобусе.

«Что за бред? – Карстен тоже стоит рядом со мной у ветрового стекла верхней палубы и качает головой. —

Убирайся, – кричит он, – у нас напряженный график!»

«Зачем же так грубо? – отвечает мужчина в сандалиях, приложив ладонь ко рту в виде рупора. – Мы бы с удовольствием присоединились к вашей экскурсии!»

«Что-что?! – Карстен крутит пальцем у виска. – С ума сошли? Мы готовили свою кампанию почти три месяца и теперь уж не допустим, чтобы вы нам ее испортили! Так что давайте-ка валите отсюда!»

«Да не вопрос! – отвечает мужчина. – Мы живем в свободной стране и можем поехать на своем автобусе куда захотим!»

«Случайно не туда, куда мы собираемся ехать?» «Точно!» – он машет нашим турпланом и улыбается. «Три недели!»

«Знаете, что это такое? – Карстен поворачивается к нашим гостям-спутникам и иронически улыбается. – Это настоящее христианское преследование!»

Наша публика громко смеется. Тем временем все повставали с мест, одни держат в руках камеры, другие записывают на диктофон.

«А вы знаете о втором автобусе?» – кричит нам мужчина и направляет в нашу сторону диктофон.

«Нет! – смеясь, отвечает Карстен. – Видим его впервые!»

«Можете еще разок сказать в камеру насчет христианского преследования?» – кричит другой.

«Само собой! – Карстен на секунду задумался. – Если за нами три недели подряд должен следовать автобус, на котором написано: *А если Он все-таки существует...* — то это и есть христианское преследование!»

Мы в раздражении спускаемся по лесенке нашего «красного гиганта», отходим от него и оказываемся под прицелами камер перед автобусом христиан, вынужденные разбираться с оратором в сандалиях из обувного магазина «Биркеншток». Однако этот мужчина, казавшийся сверху вполне дружелюбным, лицом к лицу уже не производит такого впечатления.

Он стоит передо мной, сложив руки на груди, он выше меня ростом, довольно широкоплечий, кожа вся в шрамах, синие стальные глаза хотя и прячут улыбку, широко раскрыты, а лицо неподвижно.

«У вас проблемы с тем, – спрашивает он тихо и делает шагок в мою сторону, – что мы спрашиваем: а вдруг Он все же существует?»

Теперь на нас двоих направлены три большие камеры и плюс к тому – множество мобильных в руках стоящих вокруг людей.

«Фактически Его нет». – Я улыбаюсь, но не отступаю.

«Однако звучит почти как угроза».

«Да вовсе нет, я просто предлагаю так думать!»

«От этого предложения мы с благодарностью отказываемся. – Я смотрю мимо него на автобус. – А что с нами будет, если Он все-таки существует?»

«Бог любит всех людей, – говорит он, складывая ладони, – даже тех, кто не верит, что Он есть!»

«Да я и не верю, что Бога нет!»

«Но это же написано на вашем автобусе! – Он все улыбается. – Вот такие дела с теистами и атеистами: и те, и другие во что-то верят. Мы верим, что Бог есть, а вы – что Его нет. Шансы – один к одному!»

«Если бы был только один Бог, то шансы были бы один к одному. – Камеры направились на меня. – Но человечество выдумало тысячи богов, а ведь вы, в конце концов, не верите в большинство этих богов! Мы просто шагнули чуть дальше, чем вы, и не верим ни в какого бога, это же так просто!»

«Но это же все равно что...»

«Да прекратите же молоть чушь!» – Карстен решительно подступает к моему визави, и тот в первый раз стушевывается.

«Здесь – политическая акция, а не библейский кружок! Если вы хотите нас преследовать – пожалуйста, но у нас – сроки! – Он отходит от ошеломленного парня и отводит меня. – Просто не снисходи до всей этой болтовни о Боге! – Карстен заталкивает меня в автобус. – Человечество потратило века на бессмысленный вопрос о Боге и ни к чему не пришло!»

«Ну, в общем, да... – соглашаюсь я. – Это же написано на нашем автобусе!»

«Да ладно! – Карстен качает головой. – Это же только чтобы привлечь внимание. Верит кто-то в Бога или нет, – одно и то же дерьмо! Важно, чтобы государство отделилось от церкви, а религия стала частным делом – мы ведь уже обсудили, где чья привилегия!»

«Конечно!»

«Ну, а раз так... – он указывает на лесенку. – Давай на авансцену, конференсье! У нас сегодня пять туров по Берлину и еще куча дел до самого Востока – так что *let's rock*, на раскачку!»

Мы так и делаем: раскачиваем свое мероприятие.

Оно, в конечном счете, состоит из шести наполненных рейсов на двухпалубном автобусе, во время которых Карстен и Педер работают с журналистами, Эвелин делает фотоснимки, а я даю интервью и комментирую рейсы. И при этом я шесть раз практически повторяю одно и то же.

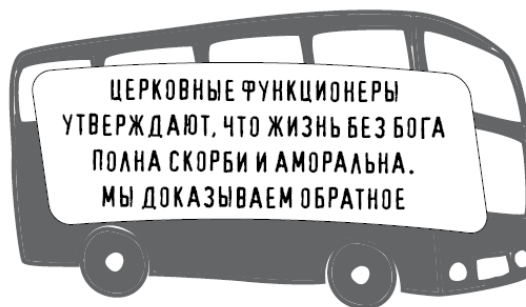
Своей кампанией мы хотим обратить внимание на то, что при 30 процентах католиков, 29 – протестантов, 4,9 – мусульман и 0,2 иудеев 33 процента внеконфессиональных граждан представляют крупную мировоззренческую группу¹². В то время, конечно, мы могли только предположить, что в 2015 году будет уже 36 процентов граждан, не исповедующих никакой веры, 29 процентов католиков, 27 процентов протестантов, 4,4 процента мусульман и 0,1 процента иудеев. Тот факт, что мы, формально неверующие, должны были преодолеть 50-процентный барьер менее чем за 20 лет, совершенно ясен – ведь еще в 1990 году, когда среди восточных немцев уже значительно возросло число внеконфессиональных граждан, еще 72 процента принадлежали к одной из двух церквей¹³.

Кроме того, мы хотим показать, что жизнь без Бога для огромного большинства людей есть нечто само собой разумеющееся и что она – вовсе не полна скорби и не аморальна, как это часто утверждают клерикальные функционеры. Мы хотим также предложить противовес религиозной рекламе, обещающей людям «голубое небо».

Мы решительно не согласны с постоянными заявлениями о том, что безрелигиозные люди морально ущербны, как недавно сказал епископ Микса в пасхальной проповеди: «Обще-

ство без Бога – это ад на земле!»¹⁴ – заявил он, забыв при этом, что общество с Богом больше 1000 лет фактически и было адом на земле – а для многих оно таково еще и сегодня.

И мы будем неустанно повторять, что все основные ценности нашего общества никоим образом не происходят из христианства, но – как раз наоборот! – должны ожесточенно отвоевываться у защитников религии: демократия, права человека, особенно – права женщин, право на сексуальное самоопределение, терпимость по отношению к гомосексуализму, а также свобода выражения мнений, свобода прессы, свобода искусства и науки и прежде всего – свобода религии, а значит – право отказа от религии: все это отвоевано Просвещением у поборников религии¹⁵.

И не в последнюю очередь мы всегда указываем на то, что Германия – это все что угодно, только не светское государство: церковный налог, религиозное образование в государственных школах, теологические факультеты, специальный закон о трудоустройстве для *Caritas*¹¹ и диаконии, щедрое субсидирование обеих крупных церквей, чьи высшие чины оплачиваются не за счет церковного налога, а за счет всех налогоплательщиков, множество религиозных политиков, существование Христианско-демократического союза, целая куча законов, основанных на религиозных убеждениях... список почти бесконечен, а примеров более чем достаточно.

«Что вы скажете о провале *Pro Reli* в прошлое воскресенье? – кричит наконец один журналист. – Этому надо радоваться?»

«Ну еще бы! – кричу я в микрофон. – К счастью, местное правительство опубликовало поправки, благодаря которым выявилась ложь этой христианской кампании. Мы рады, что берлинские школьники могут и дальше посещать общий курс этики, а если захотят – они или их родители – специально потом продолжить свое религиозное образование».

И, словно мы это запланировали, точно после нашего последнего тура начинается сильный ливень и заливает весь город. Остановившись под мостом, мы закрываем откидной верх автобуса, затем выходим у заправки, покупаем холодного пива с горячими колбасками и уезжаем из города и от дождя в направлении Балтийского моря.

Впервые в автобусе восстанавливается тишина, и только слышно, как громко тарахтит гигантский дизельный двигатель.

Словно остолбеневшие, мы сидим с Карстеном на верхней палубе, глядим на огненно-красное солнце, которое садится слева, над идущим к северу автобаном A24, и чокаемся за первый день. И тут нас догоняет «христовус». Карстен бросается вниз, берет большой картонный щит с креплением, пишет на нем: «Осторожно, христианское преследование!» и укрепляет его на заднем стекле, чтобы с утра этот текст был все время виден нашим преследователям.

¹¹ Caritas – «милосердие» (лат.); благотворительная организация, основанная в Германии в 1897 году.

Пока мы едем, нас обгоняет масса автомобилей, из которых нам машут, все поднимают кверху большой палец – и никто не показывает среднего! Люди смеются и фотографируют наш автобус.

«Однако я рассчитывал на большее противодействие. – Я машу мобильнику, который высунулся из окна автомобиля с целым семейством, в то время как наш “красный гигант” не спеша едет вперед. – Да люди же просто в восторге от нашего автобуса!»

«Ясное дело! – Карстен кладет ноги на штангу, которая здесь, наверху, стала уже моим главным сиденьем. – Берлин и бывшая ГДР – самое свободное от религии место на нашей планете!» «В самом деле?» «Абсолютно! Социалистическое правительство при Хонеккере, конечно же, не терпело никакой абсолютистской доктрины, кроме своей политической религии!»

«Ты полагаешь, что две идеологии, которые претендуют на обладание неопровержимой истиной, а значит, и понимание меры всех вещей, не могут сосуществовать друг с другом?»

«Именно! – Карстен открывает еще два пива, мы чокаемся. – Просто удивительно: все равно, о каких проблемах идет речь, восточные немцы значительно меньше склонны к религии, чем западные».

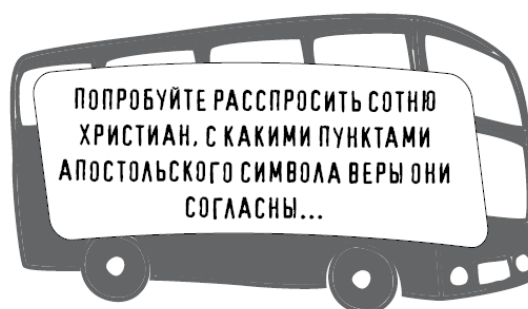
«Выходит, в Гамбурге нас ждет стресс?»

«Не без того. Даже среди прежнего населения ФРГ полным-полно неверующих верующих. – Он делает глоток из бутылки. – Ты же слыхал про подводных христиан?»

«Подводных христиан?»¹²

«Ну да, они всплывают в церкви раз в год, на Рождество. А есть еще номинальные христиане, религиозные только по справке о крещении, но вряд ли разделяющие учение своих церквей. Расспроси-ка сотню христиан, с какими пунктами апостольского Символа веры они еще согласны...».

«Возможно, мы должны что-то сделать? – Я покусываю нижнюю губу. – Что-то типа вал-о-мата¹³, но для верующих...»

Мы с Карстеном смотрим друг на друга и говорим в унисон: «Вер-о-мат!»¹⁴

Мы чокаемся со смехом и слышим, как позади нас щелкает фотокамерой Эвелин.

«Хорошо вам, да? – Она подсаживается к нам. – Как думаете – остальная часть поездки будет такой же легкой, что и сегодняшняя?»

Хороший вопрос. Мне тоже любопытно, как люди будут реагировать в следующие 3000 км на нас и наш рекламный слоган – в Ростове, Шверине, Гамбурге, Бремене, Мюнстере,

¹² Букв. «христиан на подводной лодке» (UBootChristen).

¹³ От нем. «Wahl» («выбор»): электронная система подготовки многопартийных выборов в органы власти, осуществляющая помощь пользователю в принятии решения.

¹⁴ Нем. «Glaub-o-mat» (от «Glaube» – «вера»).

Дортмунде, Хагене, Эссене, Дюссельдорфе, Кельне, Бонне, Франкфурте-на-Майне, Мангейме, Гейдельберге, Карлсруэ, Штутгарте, Тюбингене, Ульме, Аугсбурге, Мюнхене, Регенсбурге, Нюрнберге, Хемнице и Дрездене, прежде чем мы через три недели отпразднуем в Берлине финальную вечеринку.

«Наш славный помощник Свен с заказанным автомобилем уже здесь, – говорит Эвелин, – и нашел нам хорошую парковку прямо у твоего отеля, Филипп!»

Чтобы сэкономить на стоимости отеля, мы дополнительно арендовали автомобилем, на котором Карстен и Эвелин сопровождают всю кампанию. А я из-за своей работы учителем могу, к сожалению, участвовать лишь в выходные, поэтому для меня забронированы гостиницы. Там я засыпаю как убитый, а когда на следующее утро вхожу в лобби, зал для завтраков гудит пенсионерками и пенсионерами.

«Видал уже?» – спрашивает пожилая дама в фетровой шляпе, клетчатой рубашке, кожаных штанах и туристских ботинках мужчину в буфете, на котором тоже фетровая шляпа, клетчатая рубашка, кожаные штаны и туристские ботинки.

«Ну! – в дополнение к яичнице он оставляет еще немного места на своей тарелке и кладет туда семь нюрнбергских пряников. – Что там еще?»

«Да вон там – автобус! – говорит дама и накладывает себе пирожных. – Какая-то глупая шутка!»

Я быстро намазываю себе маслом пару булочек, заворачиваю их в салфетки и бегу между вспугнутыми фетровыми шляпами к парковке, где стоит наш автомобиль, а рядом – «красный гигант», давно уже окруженный людьми с тросточками, в шортах и длинных чулках.

«Чего это там нет? – Огромный мужчина опирается свою трость, на которой укреплено много металлических гербов, и, тяжело дыша, запрокидывает голову. – Нет Бога?»

«Скорее всего, Его нет! – отвечаю я и указываю на нашу обстоятельную рекламу. – Верить мы предоставляем верующим!»

«Что? – Он поворачивается ко мне и смотрит на меня с покрасневшим лицом. – Вы отвечаете за свои слова?!»

«Вполне», – я улыбаюсь в ответ, но мужчина поднимает свою трость.

«Да вы что, спятили?!» – кричит он, а другие уже догадываются, что я имею прямое отношение к этому автобусу, и собираются вокруг меня.

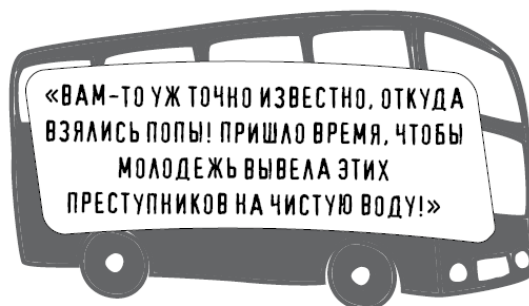
В море кривых тростей и качающихся фетровых шляп я вижу вдалеке своих товарищей, которых уже окружили. На отдельные разговоры моего владения иностранными языками еще хватает, но волна баварского негодования угрожает мне акустическим потопом¹⁵.

«Ну-ка, оставьте паренька в покое! – раздается вдруг хриплый голосок, затем из толпы выныривает очень старая крохотная дама и улыбается мне. Ее кожа словно сделана из морщинистой бумаги, а от полей ее фетровой шляпы спускаются длинные, белые как снег волосы. Она с бранью набрасывается на столпившихся, число которых все возрастает. – Вам-то уж точно известно, откуда взялись попы! Пришло время, чтобы молодежь вывела этих преступников на чистую воду! – Она мне подмигивает и слегка тычет своей туристической тростью мне в грудь. – Так держать! А вы... – Она оборачивается к собравшимся и снова поднимает трость. – Ну-ка, разойдитесь!»

¹⁵ Туристы из отеля говорят на баварском диалекте, передать который здесь нет возможности; он весьма далек от литературного немецкого языка, и восточные немцы его терпеть не могут, отсюда ирония автора.

Она медленно проходит через коридор, который образовался перед ней между фетровыми шляпами, хотя все еще тихо брызжащими, но интерес ко мне уже в значительной степени утратившими. Только один небольшого роста мужчина остался и подходит вплотную ко мне.

«И все же я хочу спросить! – гнусавит этот худой человечек лет шестидесяти и поднимает вверх указательный палец. – Как человек становится атеистом, таким как вы, например?»

«Я не стал атеистом, – говорю я и отступаю на полшага. – Как и все остальные люди, я родился без веры в Бога, и мне ее никогда не прививали».

«Никогда не прививали?! – Он скрещивает руки за спиной и глядит на меня снизу вверх, при этом верхняя губа у него поднимается. – Но тогда почему такой крестовый поход против Бога?»

«Крестовый поход?! – Мне трудно не засмеяться. – За время крестовых походов христиане зверски убили бесчисленное множество людей, чтобы распространить свою веру в мире. Вы уверены, что ваше сравнение уместно?»

«Ну-у! – Он качает головой. – Однако почему же вы питаете такую ненависть к церкви?»

«У меня нет никакой ненависти к церкви! Просто я считаю, что она в высшей степени бесчестна и безнравственна и совершенно непригодна в сфере политики».

«Но при чем же тут благой Бог? Я имею в виду... – Он снова выпячивает кверху верхнюю губу. – Что же такое случилось с вами в детстве?»

Я отвечаю: «Ничего! У меня было совершенно мирное детство, и у Бога имелись все шансы заполучить меня!»

Духовный аспирин

Самое крутое в жизни – это качели. Когда, раскачавшись, взлетаешь вперед и вверх, а потом на краткий, совсем краткий момент останавливаешься в воздухе – видишь одно только синее небо... Вот что я люблю! А еще круче – прыгать с качелей! Когда мы недавно устроили в нашем 3А классе соревнование по прыжкам с качелей, я победил. И хотя, приземлившись, я подвернул левую лодыжку, никто этого не заметил.

Я так думаю. Я надеюсь. Но я не знаю.

«Филипп, ты идешь? – кричит мне моя мама из большого сада вокруг папиной церкви. – Пора-а!»

«Да-а! – кричу я с качелей, вставленных в песок на краю сада. – Я сейча-ас!»

«Давай немедленно!»

Она указывает на часы на церковной башне, где большая стрелка приближается к двенадцати; затем я вижу, как она отходит от группы других родителей и идет ко мне. Видимо, она и впрямь настроена серьезно, ведь сегодня важный день – мое первое причастие, при котором я впервые смогу съесть эту облатку-Иисуса со смешным именем, которое я вечно забываю. И я получу подарки, но Николь, наша наставница по причастию, сказала, что это не так важно, как облатка.

Николь смешная. Она говорит, что она – наша мать по причастию, но у меня ведь есть уже одна мать, которая намного милее, красивее и умнее. А папа мой говорит, что быть умней, чем Николь, нетрудно, ибо когда Бог раздавал умы, она ела пирог. Вот почему, рассказывая нам про десять заповедей, она все время смотрит в Библию, толстую книгу, которую Бог надиктовал людям.

«В последний раз говорю, – кричит моя мать, размахивая черной лентой. – Месса вот-вот начнется, а ты еще должен... нет-нет, стой!»

Моя мама вскрикивает, когда я, раскачавшись, прыгаю и лечу по воздуху. Я вижу, как она заламывает руки от ужаса, делаю беговые движения, чтобы не улететь дальше, затем приземляюсь на песок.

«Все добрые духи тебя покинули, да?! – Моя мама встает на колени и стряхивает песок с моего черного костюма. – Эдак ты когда-нибудь переломаешь себе все кости, парень!»

Когда она завязывает мне черный бант, прибегает моя младшая сестра. Ее зачислили в школу в этом году, и поэтому она думает, что она суперумная. Лизе не нравится одежда, которую носят другие девочки, она всегда норовит носить то же, что и я, поэтому сегодня и на ней тоже черный костюм.

«Мама, почему Филиппу можно сегодня есть печенье, а мне нет? – Она наступает на песок. – Это совсем несправедливо!» «Потому что твой брат уже несколько воскресений посещает уроки по причастию и даже был на исповеди, – объясняет она Лизе. – А Николь говорит, что дети теперь знают, какая разница между просто хлебом и вином и святыми дарами причастия».

«А в чем разница, Филипп? – Лиза надевает мой пиджак. – Ну пожалуйста! Я тоже хочу знать!»

«Разница в том, что... – Бабочка на шее очень жмет, но когда я хочу ее ослабить, мама только качает головой. – Ты пока что не поймешь разницу, – говорю я сестре. – Для этого ты еще слишком маленькая!»

Лиза снова ступает в песок, на этот раз так глубоко, что мама бранит ее, и я вижу, как через лужайку к детской площадке не спеша идут мои бабушка с дедушкой. У обоих светлоседые волосы и морщинистая кожа, и от них всегда исходит сильный запах мяты. Бабушка

всегда говорит «Йессас»¹⁶, когда сердится или радуется, а дедушка играет на органе, как и мой папа. И на клавири. И пишет картины. И складывает большие мозаики. И пишет стихи. Раньше он был учителем и директором школы и после войны преподавал уроки в классе из восьмидесяти человек – совсем один, потому что большинство остальных мужчин погибли. Думаю, что он, как и мой папа, – самый умный человек в мире, так как он все знает про вселенную, а на чердаке у него – большая подзорная труба, через которую можно смотреть на звезды.

Сегодня они оба приехали из Фульды (с той стороны стены¹⁷) в своем старом мерседесе, что всегда занимает много времени, потому что через брешь в стене приходится проезжать дважды, а полицейские проверяют все автомобили и с рефлекторами высматривают, не прицепился ли кто-нибудь снизу под автомобилем, что вообще-то не следует делать, так как это очень опасно.

«Чертово дерьмо эта стена! – всегда говорит мой папа, когда мы отправляемся в отпуск. – Просто чертово! Ее не должно быть!» Хотя прямо это не говорится, даже мама называет ее чертовым дерьмом, а ведь она в других случаях так не ругается – значит, стена эта действительно чертово дерьмо!

«Боже! Ведь тебя совсем недавно крестили! – говорит моя миниатюрная бабушка и умиленно складывает ладони на груди. – И вот ты так скоро стал таким же большим, как я, и примешь свое первое святое причастие. Йессас, куда летит время!»

«Вон оно, наверху, бабушка! – говорит Лиза и указывает на церковную башню. – Гляди-ка, ровно двенадцать часов...»

«Тебе пора идти, дорогой Филипп! – говорит дедушка и протягивает мне длинную белую свечу. Затем он подмигивает мне и продолжает тише: – А когда месса закончится, у нас для тебя есть кое-что в багажнике...»

Классно: подарки! Я радостно бегу со своей семьей к заднему входу в храм, с нами нет только моего папы: он уже сидит за органом наверху на хорах. Здесь, в приходском саду, почти никого – большинство проходит в главный вход, но мой папа как-то сказал, что органисту можно ходить на территории храма повсюду, значит – его семье тоже. Мы спешим через зеленую лужайку мимо большого дерева, которое освещено солнцем и отбрасывает длинную тень на церковные витражи. Весна, сад – в цвету, и мои бабушка и мама очень рады этому. Мы уже у входа, мама еще раз стряхивает песок с моих штанов и протирает носовым платком мои черные туфли, похожие на органнне туфли моего отца. Затем мы входим внутрь.

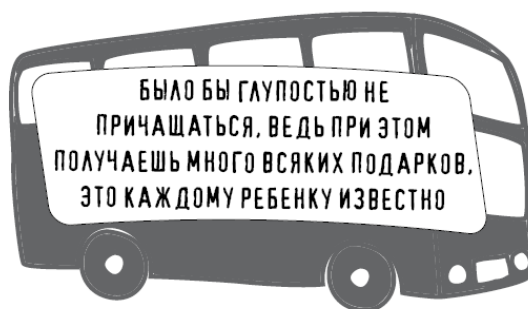

Я всегда думал, что папина церковь – просто огромная, но в Италии на каникулах мы как-то раз зашли в церковь, которая принадлежала шефу шефа папиного шефа, служившему непосредственно Богу, – так вот у него и впрямь была огромная церковь! Но эта церковь тоже очень красивая, потому что сквозь красочные стекла на скамьи падает свет, а скамьи так приятно пахнут старым деревом. Как и исповедальня, в которой я должен был исповедаться за последнее время, хотя вовсе не сделал ничего плохого.

Мама окунает кончики пальцев в каменную чашу за входом и осеняет себя крестным знамением, и сегодня, кажется, тот день, когда мне надо бы подражать ей. Сначала лоб, потом солнечное сплетение, потом налево, потом направо, а уже потом сердце – все это я знаю, но все равно мне почему-то смешно. Может, дело в тугой бабочке, которая при каждом движении жмет и давит мне на шею.

¹⁶ Баварск. искаж. «Йезус!» («Иисус!») – возглас недовольства или удивления; ср. рус. «Господи Иисусе!»

¹⁷ Разделявшей Западный и Восточный Берлин.

Путь от заднего входа к центральной части храма недолгий, но в храме столько народу, что я должен немного протискиваться, чтобы занять свое место с другими детьми в начале среднего прохода. Вокруг слышны многие голоса, прежде всего – взрослых, но все говорят тихо.

Мама нежно целует меня в лоб, затем крестит его большим пальцем и говорит то же самое, что и каждый вечер, когда мы ложимся спать: «Да охранит и защитит тебя добрый Бог!» – потом садится возле деда.

Я быстро смахиваю со лба след поцелуя и гляжу на других детей, которые сегодня будут причащаться вместе со мной – все они тоже выглядят довольно шикарно. Мальчики – в костюмах, как и я, а девочки – в белых-белых платьях, и каждый из нас держит в руке свечу. Вот приходит Николь с зажигалкой и зажигает все 27 свечек, то и дело опалая себе пальцы. Остальных детей я не очень хорошо знаю, потому что из моего класса здесь только некоторые: противная Стелла, капризная Юлия и мой друг Ахим. Но, собственно, со стороны других было бы глупостью не причащаться, ведь при этом получаешь много всяких подарков, это каждому ребенку известно.

Потом внезапно все замолкают, и я, встав на цыпочки, вижу, что дети постарше, которым уже можно носить красную подкладку, выходят к алтарной площадке¹⁸ и машут кадилами с ладаном. И вот раздается орган моего папы, которого я не вижу, так как мы стоим почти под хорами, на которых он всегда сидит. Раньше я часто бывал с ним там, наверху, и мог набирать в маленькой коробке цифру, которая затем высвечивается на церковном экране, чтобы все служители мессы могли открывать в сборнике песнопений нужную страницу и петь по ней нужную песню. Наверху лучше всего, потому что там могут находиться только мой папа и я, в крайнем случае – и пастор, но вообще-то он всегда должен быть внизу, на алтарной площадке. Сверху отлично видно, как идет месса, и когда однажды во время мессы я спустился вниз, мне стало почему-то смешно и захотелось снова наверх. Оттуда можно еще увидеть тонкие, почти незаметные веревки, на которых висит над алтарной площадкой огромный деревянный крест.

И вот выходит папин шеф, на котором всегда надето больше, чем на остальных, и как только он появляется, все умолкают.

«Дорогие дети-причастники, дорогая община! – говорит он, и его голос разносится по храму. Потом все одновременно усаживаются, что производит комичный шум, словно садится какой-то великан. – Сегодняшнее белое воскресенье – это день первого святого причастия и

¹⁸ У автора и другой смысл «к сцене» (Biühne: «сцена, театральные подмостки»; также – «площадка на возвышении»): ребенком он воспринимает пространство с алтарем просто как «сцену».

один из важнейших дней в жизни юных христиан. – Он указывает на нас. – Сегодня, дорогие юные христиане, вы имеете возможность стать причастными Богу, явившему себя людям в Иисусе Христе».

Это он говорит нам. Я несколько взволнован, ведь как-никак сегодня в первый раз мне позволено съесть эту гостию – точно, это называется гостия! – за которой они долго стоят в очереди, даже дольше, чем за картошкой фри на курортном пляже. И пока они эту гостию рассасывают во рту или пережевывают, с ними нельзя разговаривать, так как они в этот момент мысленно всюду молятся.

Как-то комично это все, особенно потому, что пастор говорит, будто эта гостия – тело и кровь Иисуса. Однако мама и папа объясняли мне, что так только говорится, а на самом деле это – хлеб и вино, а для детей – виноградный сок.

«На Тайной Вечере впервые услышали эти слова апостолы, – говорит пастор и слегка поднимает руки. – Хлеб, который Я дам вам, – это плоть Моя, отдаваемая за жизнь мира. Кто ест Мою плоть и пьет Мою кровь, тот имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день».

Хотя Николь нам это объясняла на первом занятии по причастию, для меня это довольно сложно: Иисус – Сын Бога, но одновременно и сам Бог, то есть как если бы, скажем, я был одновременно Филиппом и моим папой, а мой папа – и моим папой, и мной. Николь говорит, все не так просто, но мы это поймем позднее, когда подрастем. Во всяком случае, Иисус родился точно в Рождество до 1989 года, в стойле для скота в Вифлееме, а уже потом, примерно в папином возрасте, был пригвожден злыми римлянами к кресту, на котором истек кровью. Вот беда: это происходит действительно, подлинно! Это было в ту пятницу перед Пасхой, которую стали называть «Karfreitag», потому что «Кар» означает «печальный»¹⁹. Однако в пасхальное воскресенье две женщины нашли пустую могилу, и Николь говорит, что этому есть лишь одно объяснение: Иисус воскрес из мертвых; однако мои родители говорят, что и это не совсем всерьез, а скорее история, которая чему-то должна нас учить. Чему, я так и не понял, но зато знаю уже, что когда мы умрем, как умер мамин папа, мы уже не сможем ожить, тут мои родители совершенно правы. А они и всегда правы, потому что умеют мыслить и прочли намного больше книг, чем Николь. А у нее и всего-то одна книга, максимум две, а ведь чтение книг делает людей умными, это даже дети знают. Во всяком случае, прошло еще дня два, пока Иисус после воскресения вознесся на небо, а в воскресенье моей маме не надо ходить в школу преподавать, и почти все свободны, кроме моего папы, а это просто несправедливо! Однако сейчас это важно, ибо в последний день Бог вернется на землю в лице Иисуса и будет решать насчет того, злые люди на земле или добрые. Добрых Он возьмет к себе на небеса, где все прекрасно, а злые отправятся в ад к дьяволу, – так сказала Николь на уроке причастия.

Но, к счастью, я знал от своих домашних, что все это говорится не всерьез.

«Подойди ко мне и следуй за мной!» – говорит пастор, на этот раз громко, и Николь таращит глаза – это нам знак: теперь нам надо выйти вслед за ней на алтарную площадку и со свечами в руках выстроиться полукругом за алтарем. – «Кто идет к Иисусу, тому дано слышать и слово Его, – говорит пастор, и мы движемся за Николь, словно стая уток за гусыней. – Тому дано пережить чудеса Иисуса и узнать, что существует небо!»

Я тоже знаю, что небо существует, ведь достаточно лишь взглянуть наверх! А за ним есть бесконечная вселенная с бесконечным множеством звезд, некоторые из которых дедушка мне уже показывал через свою подзорную трубу. Теперь мы идем через центр храма, и все взрослые

¹⁹ По-нем. «Freitag» – «пятница», а «Karfreitag» – «Страстная пятница», от др.-верх.-нем. «кага» – «горе, печаль, скорбь».

глазеют на нас. Моя бабочка уже жмет, а в правой части церкви я вижу деревянную кабинку, в которой я должен был исповедать свои грехи папиному шефу. Я долго обдумывал, что мне сказать. Того, что и в самом деле плохо, я не делал, однако Николь как-то раз прочла нам из своей книжки одну историю, в которой Иисус говорит: кто без греха, пускай бросит первый камень, а потом никто не бросает камней, потому что каждый когда-нибудь да натворил всяких глупостей. И я тоже, конечно, но я же не дурак кому-то про них рассказывать! Так что мне пришлось придумать что-то средне-плохое: не очень хорошее, но и не окончательно плохое. Если что-то недостаточно плохое, то пастор наверняка заметит, что я что-то скрываю, а если что-то слишком плохое, то он потом решит, что я и впрямь это сделал, и расскажет моим родителям. А потом мне придется объяснять, что я этого вовсе не делал, а просто придумал, чтобы сказать в исповедальне, и это их рассердит, потому что я соврал пастору – а уж это вообще запрещено! Так что пастор ничего не должен заметить!

Но, несмотря на это, потом я решил, что ложь – это грех, и рассказал пастору, что однажды солгал бабушке, то есть маминной маме, которая живет здесь, в Берлине, и у которой мы с Лизой часто ночуем в выходные. Разумеется, это бессмыслица, потому что бабушка очень любит нас и разрешает все, даже есть перед телевизором и делать два-три глотка взрослой колы. Вот почему незачем ей лгать, ведь так и так почти всегда получишь от нее все, чего пожелаешь. Думаю, что, исповедуясь, я слегка покраснел, но, к счастью, в исповедальне темно, а сквозь решетку я почти не мог толком разглядеть лицо пастора, так что и он наверняка ничего не заметил. А то, что я солгал, – не так уж и плохо, ведь я же одновременно исповедался в том, что солгал. Только вот пахло там смешно, не так, как от деревянных скамей, а голос пастора был даже немного злой, так что я даже немного испугался.

Теперь мы выходим на площадку, и Николь снова показывает, где нам нужно встать, хотя мы это уже миллион раз репетировали. Я стою за Юлией и перед Францем, где-то посередине, за алтарем, так что могу видеть всю церковь.

На Юлии очень красивое платье, но она мне все равно не нравится, потому что она всегда говорит таким высоким голосом и чуть что – сразу ревет. Сейчас мне, пожалуй, любопытно, какая на вкус эта самая гостия, пусть она и просто хлеб.

«Дорогие первоприсутствующие!» – говорит нам пастор. К нему подходит министрант и ставит на алтарь золотую миску и золотой кубок, затем кланяется пастору и снова отходит в сторону.

«Гвидо принес мне тут золотую чашу и золотой кубок – спасибо, Гвидо. А может кто-нибудь из вас сказать мне, что в них такое, прежде чем начнется приготовление Даров? – Он кивает Юлии, которая тут же тянет руку. – Да, Юлия?»

«Тело Христово», – говорит она, но пастор качает головой.

«Пока нет!» – говорит он. – Пока это простые гостии, обычные хлебные облатки. А в кубке – вино. Но потом... – Он поднимает указательный палец и продолжает громче: – ...потом священник произносит великую, важную молитву, евхаристическую молитву, содержащую слова самого Христа. – Он берет из чаши одну гостию и показывает ее Юлии. – Примите, сие есть Тело Мое, отдаваемое ради вас. А сие есть кровь моя, – говорит он и высоко поднимает кубок, – ради вас изливаемая. И как только священник произнесет эту молитву во имя святой церкви, ты окажешься права, Юлия. – Юлия улыбается. – Тогда это будет Тело Христово. Тогда Иисус реально будет присутствовать в этой чаше! – Он окидывает взглядом наш полукруг и высоко поднимает чашу. – Гостия все еще выглядит как хлеб, но она уже изменилась – в ней теперь присутствует Иисус, дорогие дети!».

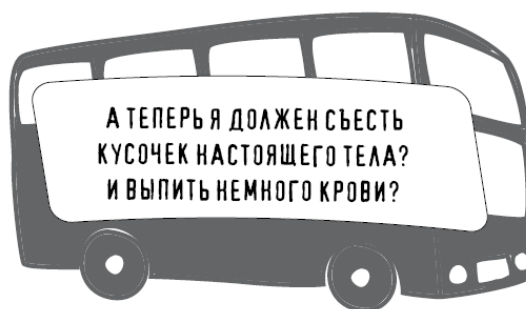
Минуточку – так что же сейчас реально? Родители же говорили мне, что это всего лишь какая-то история! А теперь я должен съесть кусочек настоящего тела? И выпить немного крови?

Я сглатываю и чувствую, как бабочка давит мне на горло.

«И это – что-то совершенно грандиозное! – говорит нам пастор. – Иисус – здесь, поэтому мы со своими заботами уже не одиноки».

Да я и так не одинок! Сколько я себя помню, моя мама говорит, что я всегда могу прийти к ней со своими заботами. И даже когда, играя в футбол, я разбил мячом оконное стекло нашего соседа и тот страшно ругался и сказал, что теперь в течение года я не должен получать карманных денег, мои родители починили ему окно, а мне все-таки дали карманные деньги. И они мне помогают делать домашние задания, и утешают, если я поссорюсь с друзьями или почувствую грусть. Да я и вправду еще ничего такого не испытал, в чем мои родители не могли мне помочь. И почему этот хлеб должен быть вдруг заколдован, я тоже не понимаю – только потому, что папин шеф повторил то, что когда-то сказал Иисус?

«А если от освященных гостий что-то осталось, – говорит пастор, указывая на разукрашенный шкаф в задней части алтарной площадки, – то я положу их вот туда, в дарохранительницу. Так что Иисус всегда будет здесь присутствовать, на каждой святой мессе, а это очень, просто очень здорово! Друга всегда нужно снова вызывать, окликать, а об Иисусе я знаю, что Он всегда здесь, и Он говорит: Я люблю тебя и всю твою жизнь буду твоим другом!»

Почему-то мне это кажется странным. Мои мама с папой уже любят меня, и друг у меня есть, его зовут Тайфун, и он просто клевый. И Мориц тоже. Да и Ян. Трех отличных друзей мне вполне достаточно, да и большинство моих одноклассников тоже неплохие ребята.

«Дорогие братья и сестры, дорогие родители детей-причастников! – Пастор поворачивается к общине. —

Вот вы привели детей к первому причастию, но иногда у меня такое впечатление, что многие сегодня уже не знают, что Иисус дал нам, христианам, драгоценнейший и святейший дар – нашу жизнь. Вот почему я настоятельно призываю вас, чтобы вы научили своих детей тому, что значит жить во имя Господа, в благоговении по отношению к Нему и к Его Сыну Иисусу Христу».

Кто-то кашляет. «Если я принимаю Тело Господне, то я несу огромную ответственность, и потом что-то со мной происходит, – теперь еще громче произносит пастор. – Это, в конце концов, не какой-то духовный аспирин, который я тут проглатываю! Если я прихожу к трапезе Господней, то я перестаю быть хозяином самого себя и признаю: Ты, Христе, руководитель и глава моей жизни! Ты можешь распоряжаться мной, я отдаю себя тебе! – Его голос громко раздается в церкви. – Аминь!»¹⁶

«Аминь!» – отзываются люди на скамьях, затем папа играет мелодию на органе. Я вижу его, сидящего там, наверху, совсем маленьким за своим органом и хотел бы, чтобы он сейчас был рядом со мной и помог бы мне ослабить узел на этой проклятой бабочке. Когда пастор не

смотрит на меня, я пытаюсь сделать это сам, но узел завязан слишком туго. Я тяжело дышу и чувствую, что вспотел. Свеча в моей руке тоже меня раздражает, кроме того, я всегда думал, что на мессах большую часть времени сидят, а я вынужден тут стоять. Мой папа доиграл, и вот пастор берет золотую чашу и передает ее Ахиму, стоящему первым в нашем полукруге. Ну, значит, дело идет к концу, супер!

«А теперь повторяй за мной, Ахим, – говорит пастор, берет из чаши гостию и держит ее перед своим носом. – Господи, я верую в Тебя!»

«Господи, – говорит Ахим и поднимает руки, расположив их в форме чаши, еще выше. – Я верую в Тебя!»

Пастор кладет гостию в руку Ахима, Ахим смотрит на нее, потом смотрит на своих родителей, сидящих в первом ряду. Они живут в очень большом доме, совсем недалеко от церкви, и их шикарная машина всегда прямо-таки сияет.

Папа Ахима – политик, сейчас он улыбается, а его мама смахивает слезу с щеки, потом Ахим засовывает гостию себе в рот. В церкви воцарилась тишина, и я наблюдаю за тем, как остальные дети глядят на Ахима. Что же такое происходит? Ахим жует гостию и при этом закрыл глаза. Вот, проглотил ее и... открывает их снова.

И что? – хотелось бы мне спросить, ты что-нибудь, наконец, ощутил? – но на мессе нам не положено задавать вопросы, так сказала Николь. Передо мной еще одиннадцать детей, а за ними должен идти я. Все, что мне надо сделать, – это сказать, что я в Него верю, а потом и я смогу наконец принять Тело Христово. Теперь очередь Стеллы, но и тут ничего не происходит: она получает гостию, жует ее, глотает, потом пастор переходит со своей чашей к соседу Стеллы. Передо мной еще десятеро, а моя бабочка что-то жмет все сильнее. Что же я скажу, когда он подойдет прямо ко мне? Ох, осталось всего девятеро, дело принимает серьезный оборот. Должен ли я просто повторить все это? Довольно ли сказать: «Господи, я верую в Тебя»? А если нет, то это, значит, ложь, и меня за нее накажут? Тогда мне что – опять идти в исповедальню? Осталось восемь человек, о Небо, теперь уже отступать некуда, не так ли? Это как на американских горках с пятикратной петлей – если оказался наверху, тебе и сигать вниз? Бог мой, что же мне делать?

Минуточку – Бог? А ведь это мысль! Почему бы мне попросту не попросить Его прямо? Я ведь все уже заучил: как складывать руки, закрывать глаза и мысленно говорить с Ним. Под платком, который защищает мои руки от горячего воска, так и так мои руки сложены вокруг свечи, а пастор отвлечется и не заметит, если я прикрою глаза... Итак: – Привет, Бог! Я – Филипп Мёллер, сын твоего органиста. Ты меня слышишь? Эй?

Никакого ответа, но Николь ведь говорила, что у Бога нет обычного голоса, так что следует прислушиваться к самому себе. Ну ладно, еще разок: – Ау, Бог?! Я не знаю, можешь ли Ты меня слышать, но у меня к тебе парочка вопросов. Как Ты можешь видеть, я здесь, у Тебя дома, и сегодня могу в первый раз есть Твоего Сына. Раньше я думал, что это просто так говорится, но твой священник только что сказал, что это на самом деле! Это правда?

Я глубоко вслушиваюсь в самого себя, сосредоточиваюсь как могу, но не слышу никакого ответа. Но мои родители всегда были правы, значит, то, что мне предстоит есть, – это не мясо²⁰ и не кровь.

Видно, так и есть. Осталось восемь детей.

И все-таки было бы неплохо, Бог, если бы Ты мне ответил. Понимаешь, ведь я должен перед всеми сказать, что я в Тебя верю, вот почему мне хотелось бы это знать. Эй?

Я крепко зажмуриваюсь, хотя, увы, нельзя заткнуть уши. Но, к сожалению, не слышу никакого ответа! Лишь голоса других детей, говорящих, что они в Него веруют, все приближаются.

²⁰ Другое значение нем. слова «Fleisch» – «плоть».

Ох нет, было бы неприятно именно сейчас упустить свой шанс. Но, по счастью, передо мной идет Юлия, а у нее такой высокий голос, что от него никуда не денешься, но зато можно еще разок попробовать.

Бог, ау? Здесь все еще Филипп Мёллер. Не мог бы Ты совсем коротко мне ответить – гостия сейчас состоит из хлеба или из мяса? Если ты не можешь сказать прямо, пошли мне какой-нибудь знак, что ли, ну как в Библии. О'кей?

Я открываю глаза, но все как прежде, никакого знака, черт! К тому же передо мной – всего семеро.

Эх, мне жаль, что я Тебя беспокою, но время торопит, и прежде чем я скажу перед всеми, что верую в Тебя, мне бы хотелось немножко поговорить с тобой. Ау, Бог?!

Еще шестеро детей.

А как насчет той моей исповеди? Это плохо, что я соврал пастору? Честно говоря, это была ложь по необходимости, ведь он так и так хотел что-то услышать!

Пятеро.

О'кей, я признаюсь, что недавно в супермаркете у кассы стащил шоколадку, но это же пустяк, они там всегда лежат, такие аппетитные, а мама с папой мне никогда их не покупают. Такое вот дело – я украл, но клянусь, что больше никогда так не поступлю!

Теперь передо мной четверо.

Бог, ну скажи же мне хоть что-нибудь! Ты думаешь, мои родители достаточно обо мне заботятся? Они, конечно, классные, но до того, как они умрут, я уже вырасту.

Трое.

Ну ладно, раз Ты не хочешь об этом говорить, давай не будем. Я вот сейчас попробую гостию, а там поглядим, что будет дальше, да?

Двое.

Придется мне слегка соврать пастору, ведь я сейчас вообще не знаю, во что мне верить. Но если гостия подействует, то... то я поверю в Тебя, обещаю!

«Господи, – раздается рядом со мной высокий голос Юлии, – я верую в Тебя».

«Ну, Филипп! – Пастор вынимает из золотой чаши одну гостию и держит ее перед моим носом. – Теперь и ты повтори за мной: Господи, я верую в Тебя!»

«Хорошо. – Я вижу своего папу, который стоит на хорах, облокотившись на перила. Он специально встал, и, хотя он так далеко, я вижу, что он улыбается. – Господи, – говорю я и складываю ладони чашей, – я верую в Тебя!»

Теперь посмотрим, что произойдет. Гостия легкая, ничем не пахнет и сразу прилипла к моему небу. Она не из мяса, но все же я зажмуриваюсь и вслушиваюсь в себя. Может, пастор прав, и я сейчас почувствую, как гостия преобразилась, и вдруг услышу Бога.

Эй? Ау-у?!

Ничего не происходит.

Наконец все дети получили по гостии, мой отец сыграл еще одну песенку, все люди в храме повторили за пастором молитву и я могу сойти с алтарной площадки. Многие подходят ко мне, и все говорят «да благословит тебя Бог!», но я просачиваюсь сквозь толпу и ищу своего папу.

«Эй ты, взрослый! – внезапно слышу его голос. – Искренние поздравления! – Он опускается передо мной на колени, но тут же хмурится. – Все в порядке?»

«Не-е! – Я задуваю свечу и кладу ее на пол. – Мама слишком туго завязала бабочку!»

«Ох, подойди-ка! – Одним движением руки он поднимает мой воротник и ослабляет узел. – Женщины не носят бабочек, знаешь, поэтому мама не умеет с ними обращаться. Может, еще ослабить?»

«Совсем отпустить! – говорю я и растираю себе шею. – Спасибо, папа! Можно тебя кое о чем спросить?»

«Конечно! – Он показывает на заднюю дверь. – Может, туда? Такая хорошая погода...»

«Эта гостия, – начинаю я, когда мы, держась за руки, выходим в сад, где уже полно детей и еще больше родителей и бабушек с дедушками. – Она из хлеба или из мяса?»

«А ты как думаешь?»

«Ну... – Я смотрю на него снизу вверх. – Из хлеба».

«Значит, она и есть хлеб. – Он улыбается, потом машет своим родителям. – Однако у бабушки с дедушкой есть подарки для тебя!»

«Они в багажнике, – говорит дедушка и берет меня за руку. – Когда глядишь в космос, – говорит он по пути к стоянке, – получаешь представление о том, как он огромен – и как невероятно малы мы. Но и на земле столько всего можно обнаружить, что вовсе не обязательно смотреть только в космос, чтобы найти что-то интересное. – Он достает из багажника и протягивает мне коробку. – Искренние поздравления с первым причастием, Филипп!»

Я не очень понимаю, что он хотел мне этим сказать, но коробка выглядит просто огромной – вероятно, в ней лежит телескоп, вот здорово! Я раскрываю коробку и нахожу в ней... микроскоп!

«С его помощью можно увидеть то, – говорит он, – чего невооруженным глазом не увидишь. Когда эта суеда закончится... – он указывает на церковный сад, все еще полный гуляющих прихожан, – я покажу тебе, как выглядит мир, если в него хорошенько всмотреться!»

Когда Берлинская стена рушится, наша школьная преподавательница религии говорит, что это сделал Бог, но мои родители объясняют мне это по-другому. Еще какое-то время я буду слушать все эти объяснения и, только перейдя в пятый класс, откажусь от уроков по религии. И никто не должен говорить, будто я не дал Богу ни одного шанса...

Возвращение Бога

«...и даже ни к чему особенно всматриваться, – говорит человек, стоящий за кафедрой, и делает взмах руками, – чтобы убедиться, что мы, люди, эволюционировали в рамках тех же процессов, что и все прочие живые существа на Земле и что, следовательно, мы не только культурные, но и природные существа!» Он немного успокаивается и поправляет свою седую шевелюру. – «В следующие недели мы будем обсуждать именно этот вопрос: кто или что определяет наше существование?»

«Я же сказал, что он заговорит именно об этом! – шепчу я на ухо своему лучшему однокашнику Беньмину. – Да и тема захватывающая!»

«Сорри, – он показывает на свой напиток. – После двух голубцов с гарниром из картошки и салата и пудинга на десерт мне необходимо что-то выпить, а то я сейчас же засну!»

«Вот-вот, фрапучино – в самый раз! – говорю я, потягивая из своего стаканчика. – Но давай-ка определимся: по-моему, это классный парень, и это его последнее мероприятие перед пенсией!»

Мы находимся в задней части аудитории «Rost-und Silberlaube»²¹, как называется наш кампус Свободного университета Берлина, и глядим сверху вниз в огромный зал. За время первого тура мы, студенты-первокурсники, узнали, что в этой аудитории – почти четыреста мест, из которых сегодня занято от силы три четверти. Беньямин указывает на пару свободных мест вблизи, и мы спешим поскорее их занять.

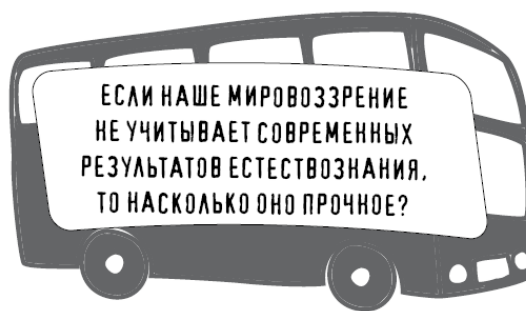

Мы с Беньямином знакомы с первого семестра, вместе участвовали во многих событиях, избрали одно и то же направление в педагогике – «формирование взрослого человека» – и давно уже сделались большими друзьями – не в последнюю очередь из-за нашей склонности проводить ночи в клубах. В прошлом семестре мы оба защитили преддипломные работы и как следует отпраздновали этот факт с подружками в каникулы, а на последней неделе, когда вывесили план занятий, мы наткнулись на семинар, текст объявления которого что-то пробудил в нас, что-то такое, чего всегда недоставало во время учебы: искренний интерес.

Помимо суперкрутой журналистки-путешественницы Софии де ла Роза, которая сердцем и разумом ведает прагматическими сторонами формирования взрослого человека, никто еще не ставил здесь таких волнующих вопросов, как профессор Петерсен:

«Собственно, из чего состоит природа человека? Как – и где – возникают желания, предпочтения, склонности и надежды отдельного индивида? – Он выходит из-за кафедры с портативным микрофоном, прикрепленном к пиджаку, и направляется к карьеристам, занявшим первый ряд. – Какую роль в этом играет наша социализация и какую – наша наследственность? Какие процессы происходят в том органе, в котором коренится вся наша личность, то есть в мозгу? Что мы сейчас знаем о гормонах и их значимости для наших действий и ощущений?»

²¹ «Ржаво-серебряная галерея» (нем.); комплекс зданий в Свободном университете Берлина.

«Гормоны – это просто круто, они такие сексуальные!»²² – говорит какой-то тип позади меня, и они с соседом хихикают.

«Ребята, – я оборачиваюсь, – а не пойти ли вам с вашим юмором в какую-нибудь пивную?» «Сначала опоздали, а теперь придираетесь?»

«Тсс!» – шикает пожилая дама лет тридцати пяти, сидящая перед нами, мы замолкаем и слушаем профессора, которого снова охватывает эмоциональность.

«Как, собственно, в течение десятилетий, а то и столетий, могла сложиться социологическая традиция, в которой научный подход к человеку систематически недооценивается, а то и прямо отрицается – вплоть до нынешнего дня? Какие существуют предубеждения против социобиологии, эволюционной психологии или против нейробиологии – и насколько обоснованными являются подобные предубеждения? Насколько полным может быть человеческий образ, который вырван из контекста миллиардов лет и все еще продолжающегося процесса, в результате которого мы произошли?! – вопрошает он и продолжает чуть спокойнее: – То есть процесса эволюции? Насколько прочным может быть мировоззрение, которое не учитывает результатов естествознания? И последнее, но не менее важное: какие следствия мы можем извлечь из эволюционистского понимания человека – как в научном, так и в социальном плане? – Он откашливается и смотрит, прищурившись, на первые ряды. – А если вы мне не верите, что общественные науки в этой сфере безнадежно отстают, – он улыбается, – то сходите в наш институт социологии, здесь – в Свободном берлинском университете, и расскажите им, что человеческое поведение детерминировано не только нашей культурой, но и нашей природой... – Теперь он смеется, взмахивает руками и кричит: – И они попросту выставят вас за дверь!»

Профессор Петерсен поправляет свою вязаную безрукавку, раскладывает свои бумаги на кафедре, затем смотрит в лекционный зал. Я совершенно ошеломлен, потому что для меня и для многих моих сокурсниц и сокурсников более актуальными были раньше такие вопросы: какая разница между инструментальным и оперантным обусловливанием? Почему собака пускает слюну, когда звенит звонок? Что общего или различного у Павлова, Пиаже и Песталоцци и зачем нам запоминать весь этот хлам наизусть, если всегда под рукой интернет? Почему, собственно, всем девушкам так нравятся теории Пьера Бурдьё – только потому, что он был француз? Студенты лучше всего учатся, когда они на занятиях а) записывают каждое слово, или б) подчеркивают отдельные места в тексте шестью различными цветами с помощью линейки, или в) внимательно слушают и стараются следить за содержанием лекции, или г) опаздывают на лекцию, а потом мешают. Разве это вообще нормально, если я говорю «студенты», а потом

²² Нем. словечко «geil» имеет значения: «похотливый; сладострастный; сексуальный; крутой; офигенный».

меня линчуют те, кто изучает гендерную теорию? И разве нельзя уберечься от всех этих дебатов о политкорректных терминах, если вместо «преподавательница» и «преподаватель» или «сокурсница» и «сокурсник» просто говорить «проф» и «штуди»²³? И как я, «штуди», осуществлю какой-нибудь многофакторный дисперсионный анализ, не сойдя при этом с ума? Относится ли этот многозадачный анализ к экзаменационным темам или я могу про него сразу забыть? Какие семинары и лекции мне действительно надо посещать, а какие я могу спокойно вписать себе в зачетку? Актуальна ли сейчас эта обязанность – присутствовать на занятиях – и что произойдет, если студент украдет список посещаемости? И почему все курят в коридорах и сбрасывают пепел в пустые кофейные чашки, хотя повсюду наклеены вывески «курить запрещается»? В какой студенческой столовой предлагают самые дешевые углеводы? В каком университетском кафе лучший капучино и самые красивые студентки? И не в последнюю очередь – что ответить позднее, когда спросят: о, ты дипломированный педагог – а какой предмет ты преподаешь? Я до сих пор отвечаю: да никакого...

«Отстойный проф, отстойная тема, – говорит Беньямин и отхлебывает фрапучино. – Надеюсь, тут не придется делать доклады».

«Итак, досточтимые дамы и господа, – говорит профессор Петерсен, – зачитываться будут только доклады, проверять домашние задания у меня больше нет желания, увы... Добровольцы есть?»

«Черт!» – говорит Беньямин.

«Никого? – Пожилой господин обводит взглядом аудиторию. – Вон там, наверху, как вас зовут?»

«Мёллер, – говорю я, и когда около трехсот студентов поворачиваются ко мне, возникает странный шум. У меня перехватывает дыхание. – Филипп Мёллер».

«Ну ясно! – Он что-то записывает, потом прищуривает глаза и смотрит на меня снизу-вверх. – Вы присмотрели себе тему?»

«Можно мне сейчас ее выбрать?»

Все тихо смеются.

«Нет, – отвечает он, улыбаясь, – она – в плане семестра».

«Ах да, ясно! – как можно более незаметно я беру под откидным столом листок Беньямина, но хихиканье усиливается. – Вот! – быстро говорю я, чтобы дать себе еще пару секунд, и нахожу правильную рубрику: – “Изучение мозга в XXI веке!”»

«Хорошо, – говорит профессор и усмехается, – что вы выбрали себе самую трудоемкую тему».

В зале хохочут, я тупо улыбаюсь и чувствую, как у меня горит лицо.

«Мои поздравления!» – говорит Беньямин и фыркает.

«Но это и самая важная тема, – а поэтому вы получаете на нее больше всего времени», – говорит профессор, после чего смех быстро стихает.

«Все остальные темы идут явно раньше этой, а тем, кто не желает здесь получить зачет... – он бросает так, чтобы все видели, список присутствующих в корзину для мусора, – я рекомендую капучино в психологическом кафе. А вы, господин Мёллер, зайдите после лекции прямо ко мне за литературой, ладно? Ну, кто еще?»

«Подхалим!» – тихо говорит Беньямин.

«Тогда уж честолюбец», – шепчу я в ответ.

«В следующий раз можешь садиться в первый ряд!» «Даже если и сяду, ну и что?»

«Или можешь носить его портфель».

«Вот это делают только подхалимы».

«Или дверь придерживать».

²³ «Преподаватель» и «студент» (независимо от пола) на нем. университетском жаргоне.

«Это я делаю только для феминисток, которым это не нравится. – Я поворачиваюсь к Бенъямину. – Извини, старик, что я в виде исключения чем-то впрямь заинтересовался...»

«О, господин профессор! – говорит он громко: – Ваша лекция была жутко интересна!»

«Ну, так возьми же теперь... и тему доклада!»

«Ты спятил? – Он допивает свое новомодное пойло. – Не выступать же перед тремя сотнями людей!»

«Гм, ладно. – Я мысленно представляю, как стою за кафедрой и смотрю примерно в шестьсот глаз, и при этом у меня учащается пульс. – Об этом я как-то не подумал...»

Когда распределение докладов заканчивается, профессор продолжает развивать свою мысль.

«Сначала я хотел бы представить вам три основных гипотезы, которые психолог и лингвист Стивен Линкер в своей книге “Чистый лист”... – он высоко поднимает толстый том, – характеризует как три наиболее роковых ошибки мышления, прокравшиеся в наше самосознание: чистый лист, благородный дикарь и дух в машине».

«Ты никак записываешь?»

«Делаю себе заметки для доклада, а что?»

«“O tempora, o mores!”²⁴ – Бенъямин ерзает на своем складном стуле. – А в Бергхайне²⁵ уже вот-вот суббота начнется, как ты?».

«Да-да, тише ты!»

«Идея чистого листа – знаменитой чистой доски, *tabula rasa*, – продолжает наш профессор, – следует из того факта, что мы, люди, рождаемся в этом мире без какого-либо врожденного умственного содержания. – Он качает головой. – Но, как мы впоследствии узнаем от господина Мёллера, реальность абсолютно этому не соответствует! Уже ДНК спермы и яйцеклетки наших родителей содержит информацию о том, по какому типу мы сможем... – говорит он и поднимает указательный палец, – развиваться! А в течение беременности гормональное влияние матери на процесс роста нашего мозга настолько сильно, что мы рождаемся в мир уже настоящими личностями!» – Он распростирает руки.

«Как будет в конечном счете выглядеть картина нашей жизни, этот вопрос остается пока открытым, однако рамки этой картины уже предопределены генетическими предпосылками и всем пренатальным развитием. И, пожалуйста, спросите себя сами: что дурного или проблематичного в этом знании? Весь бихевиоризм – педагоги, внимание! – основан на той идее, что из каждого человека можно сделать все что хотите!» – Он хлопает себя по лбу.

«Вот Генри Форд сказал, что если вы дадите ему какого угодно ребенка, то, имея необходимое время и необходимые средства, он сделает из него специалиста в какой угодно области. Простите за выражение, но на этой глупости до нынешнего дня покоится наша школьная система! Одинаковые учебники для всех, потому что все люди с самого своего рождения, мол, одинаковы! Одинаковые экзамены, одинаковые критерии оценки, одинаковые расписания занятий – что это в свете сегодняшнего научного знания, если не полный абсурд? Я хочу показать вам кое-что...»

Он вставляет слайд в проектор. На нем мы видим рисунок учителя старой школы, его учительский стол стоит перед деревом, возле которого находятся птица, обезьяна, слон, пингвин, собака, а рядом с собакой – стакан с золотой рыбкой. На облачке с текстом учителя

²⁴ «O времена, о нравы!» (лат.)

²⁵ Берлинский ночной техно-клуб.

значится: «Из соображений корректного поведения задача для всех одна и та же: залезть на дерево».

Многие студенты смеются.

«Кто сейчас смеется, тот, видимо, не слишком много учился, – говорит профессор Петерсен с усмешкой, – ибо это – излюбленный прием всех преподавателей, которые хотят проиллюстрировать бессмысленность так называемых равных возможностей. Эту идею, конечно, важно подвергнуть сомнению, но гораздо важнее усомниться в том образе человека, который лежит в ее основе! Предположение, будто все люди принципиально одинаковы, не выдерживает никакой критики!»

Он снова встает за кафедру, перебирает бумаги, извлекает слайд из проектора и делает глоток воды – и тем самым дает нам возможность на минуту задуматься над его словами. Или взять на заметку то, что может потом пригодиться.

Сначала я впечатлен его пафосом, но последняя его фраза кажется мне несколько неудачной. Да и Бенъямин качает головой.

«Ну, супер! Если все мы, люди, не одинаковы, – говорит он, – то и обращаться с нами можно по-разному – дискриминация, here we come²⁶!»

«При этом, разумеется, нам следует помнить одно, – профессор строго и опять подняв указательный палец, смотрит в зал: – Мы, люди, не все одинаковы, но все равноценны! – раздается из динамиков. – Это, возможно, самая важная формула, с помощью которой можно осознать, что мы, люди, имеем от природы разные сильные и слабые стороны, симпатии и антипатии. Как они развиваются – это, в конечном счете, вопрос социализации, и тут нам требуется справедливая система социального устройства! Но, к сожалению, даже наши школы не способны компенсировать социальные различия, совсем наоборот – они даже усиливают те неравные условия, которые каждый ребенок приносит с собой из дома. Но это и неудивительно! – говорит он опять громко. – Ложный образ человека приводит к неправильной политике! Разорвать цепи социальной несправедливости – это прежде всего задача социальной и образовательной политики! И перестроить наши школы мы сможем, только если перестроим свое мышление. – Он возвращается к кафедре. – Мы воздадим людям по справедливости лишь тогда, когда признаем, что они разные».

Он снова отпивает глоток воды и дает нам минуту для конспектирования. И у меня при этом возникает вопрос: действительно ли наша школьная система столь несправедлива? Все ли школьники и школьницы в Германии имеют возможность успешно окончить школу и избрать профессию, которая соответствовала бы их силам и представлениям – пускай даже теоретически?

Однако мне придется заняться этим в другой раз, так как профессор Петерсен переходит ко второй ошибке мышления.

²⁶ Вот до чего мы дошли!» (англ.)

«Идея “благородного дикаря”, как это называет Стивен Пинкер, опирается на гипотезу, непосредственно происходящую из первой ошибки, но вводящей в игру еще одно измерение, а именно: человек с неисписанным листом сознания принципиально хорош, и только мир превращает его в дурное существо. – Он делает гримасу. – Согласно христианским представлениям, мы приходим в мир как грешники, и что именно это означает для человеческой психики – нам хорошо известно; впрочем, это не является нашей темой. Идея благородного дикаря проблематична по двум причинам: она не соответствует реальности и исходит из существования добра, которое противостоит злу. При всем уважении, с такими конструктами, как добро против зла, мы можем, вероятно, понять “Звездные войны”, или Гарри Поттера, или даже Библию, однако они не имеют ничего общего с реальностью!»

Если бы я засмеялся, то для остальных это выглядело бы весьма комично. А профессор Петерсен расхаживает по своей сцене.

«Конечно, бывают действия, которые этически предосудительны, и, значит, их нужно запрещать, ибо они ограничивают либо нарушают права других живых существ, однако абсолютные категории добра и зла относятся к кинофильмам или святым писаниям и не имеют ничего общего с порядочной наукой или философией!»

«А ты случаем не религиозен?» – тихо спрашивает Бенъямин.

«Я? Религиозен? – Я наклоняю к нему голову и шепчу: – Сразу после причастия я бросил религиозные занятия и уже многие годы верю главным образом в три “М”, – я смотрю на него с ухмылкой: – в молодых дам, в музыку и в марихуану!»

«Ух ты, да мы братья по разуму! – Бенъямин скрестил руки и молча шевелит губами. – Но теперь у тебя прибавилось еще одно “М”: мысли о человеческом бытии, – он выставляет подбородок в сторону продолжающего говорить профессора, – слушай как следует – пригодится для темы доклада!»

«Та идея, что нас, людей, портит – так скажем – окружающая нас среда, по сути не только ложна, но и несправедлива по отношению к нашему обществу. В новостях то и дело сообщают о насилиях и убийствах, но на то они и новости, а не повседневная правда жизни! И там, где мы, люди, преодолеваем биполярное мышление, отделяющее добро от зла, истинное от ложного и белое от черного, и вместо этого договариваемся о правилах игры, определяющих нормальные взаимоотношения в обществе, у нас в значительной степени имеется возможность жить мирной и самостоятельной жизнью! – Он вздыхает и глядит на часы. – Но давайте перейдем к третьей и, пожалуй, наибольшей ошибке мышления, которая уже очень давно управляет нашей самооценкой: к разуму в машине».

Наш профф выглядит так, словно должен решить – с какого примера начать, и так он стоит довольно долго, опершись на кафедру и уставившись в пустоту.

«Когда я думаю о том, – вдруг говорит он тихо, – насколько влиятельным было – да и остается – это представление... – профессор приглушенно смеется, потом снова окидывает взглядом публику, – ...и в то же время насколько возмутительна заключающаяся в нем ложь... – он медленно качает головой, – ...тогда я порой не соображу, то ли мне плакать, то ли смеяться. Знаете, это – мое последнее учебное занятие в качестве преподавателя социологии, и после всего, что я прочел и написал, что узнал и чему научил, я пришел к выводу, что моя последняя лекция должна быть добросовестной...»

Бенъямин хихикает: «Так что слушай как следует...»

«Заткнись!» – Я слегка толкаю его локтем в бок, потом принимаю позу внимательного слушателя.

«Тот факт, что наш мозг начинает сам себя понимать, есть величайшая научная революция в истории человечества».

После этой фразы он выдерживает паузу. В зале царит тишина. Никто не отхлебывает из принесенных с собою стаканчиков, никто не шуршит маркером, не слышать ни звука. У меня зуд перебирается из мозга на макушку, а потом медленно, но верно, словно эффект внезапного познания правды, расходится мурашками по спине. Всю важность этой истины я могу в данный момент лишь предугадывать, но интуитивно я схватываю одно: вот ради таких моментов я и сижу здесь.

Ведь образование – это не просто процесс, в котором сообщаются методы, которые позднее смогут пригодиться людям в их профессиях. Образование должно обеспечивать нам – и не в виде исключения, а в первую очередь – доступ к знанию, на данный момент собранному человечеством. Суть образования в том, чтобы пробудить в человеке живой интерес к освоению этого мира.

И, судя по воцарившейся вокруг меня тишине, профессор Петерсен пробудил сейчас этот интерес не только во мне.

«Однако начнем с самого начала... – Он глубоко вздыхает. – Идея разума в машине также характеризуется и как дуализм и исходит из того, что наша личность существует независимо от нашего тела. Нематериальная душа, дух, как это называется в религиях, находятся в материальном теле машины и могут существовать независимо от этой машины. – Он снова выходит из-за кафедры. – И даже если у меня при известных условиях возникнут определенные личные переживания, все же придется сказать, что этот дуализм нельзя согласовать ни с каким опытом, который мозг добыл своими силами! Когда в 1848 году во время взрывной работы металлический стержень пронзил мозг знаменитого сотрудника американской железнодорожной компании Финеаса Гейджа¹⁷, он не умер, но перенес серьезные частичные повреждения мозга и вследствие них стал другой личностью! На основе этого удивительного наблюдения изучение мозга развилось в наши дни в дисциплину, которая пребывает еще в зачаточном состоянии и тем не менее способна в точности описать эффект, имевший место и в случае Гейджа: он называется болезнью Альцгеймера.

При этом нейродегенеративном заболевании отмирание относительно крошечных частей мозга приводит к полной трансформации личности. Между тем у нас имеется возможность с помощью магнитно-резонансной томографии наблюдать в цвете работу мозга! На основании этих и массы подобных научных опытов мы должны окончательно отказаться от дуализма и признать монистический взгляд на человека: я – это мое тело, а мое тело – это я, и если вдруг моего тела больше нет, то... – наш проф остановился перед студенткой, сидящей с ребенком на руках в аудитории, – то нет больше и моего Я!»

Он улыбается молодой даме, затем возвращается к кафедре. В оставшиеся минуты своей вводной лекции он углубляется в три крупных ошибки мышления и под конец указывает на

стопку книг на столе возле кафедры: «Я знаю, что заниматься наукой и философией – явно сложнее, чем считать, что мы не способны понять себя и мир, однако обещаю вам: это стоящее занятие!»

«Пока, карьерист! – говорит Беньямин, пожав мне руку на прощание. – Как насчет субботы – отметим?»

«Да-да!» – говорю я и спускаюсь по лестнице к кафедре.

Передо мной стоят еще два студента, подбирая себе литературу, так что у меня есть немного времени, чтобы взглянуть на лекционный зал с этого места. Отсюда ряды с сиденьями кажутся мне бесконечными, количество мест не сосчитать, и я стою на площадке, словно гусь на блюде, которого могли бы с жадностью сожрать критики. – «А вот это вам! – Господин Петерсен, улыбаясь, протягивает мне журнал, и его дыхание пахнет мятой. – Потом вернете, ладно?»

«Это все? – На обложке написано: “Мозг и разум”, а чуть ниже – “Манифест изучения мозга”. – Это все, что я должен прочесть?»

«О да! – У старика вырывается искренний смех. – Рассмотрите изучение мозга в качестве отправного пункта. А когда с этим закончите, приходите ко мне в кабинет, и мы обсудим ваш доклад». – Он указывает рукой на лекционный зал, который за эти минуты совсем опустел.

«Вам приходилось когда-нибудь выступать перед таким множеством слушателей?» «Нет. Честно говоря, нет». – Я гляжу в пространство зала и чувствую, что у меня холодеют ладони.

«Не беспокойтесь, – говорит он, – в первый раз всегда так. Говорю вам: кто хорошо подготовился, не должен беспокоиться ни о чем! – Он собирает оставшиеся книги и берет их в охапку. – Ой, господин Мёллер, у вас есть еще минутка?»

«Да, конечно!»

«Вы не поможете мне с моим портфелем? Книги такие тяжелые...»

Мой первый раз

«Автобусная кампания, Филипп Мёллер, добрый день!»

«О, добрый день! – Смех Сары через телефон выколдовывает улыбку на моей физиономии. – Это твой мобильный, мой дорогой!»

«Правда? – Я отвожу трубку от уха и блуждаю взглядом по учительской комнате. – Извини, я уже совсем запутался!»

Да и неудивительно, ведь автобусная кампания в самом разгаре, а мне еще нужно как-то успевать на дополнительной работе, где я исполняю обязанности учителя. С вечера четверга до вечера воскресенья я участвую в кампании, а с понедельника до четверга официально преподаю математику. Неофициально я приручаю целые стаи совершенно диких детей и радуюсь, если удастся выдержать с ними 45 минут урока без несчастных случаев да еще и немножко позаниматься хотя бы простой арифметикой. Однако мой мобильник постоянно меня здесь сопровождает – так же как и «Бог», и все проблемы, создаваемые этим понятием.

«И что ты об этом думаешь?» – слышу я голос Сары в телефоне.

«Что, извини? – Я качаю головой. – А что ты спросила?» «Дорогой мой, это происходит уже не в первый раз: ты меня не слушаешь!»

«Извини, но просто эта религиозная тема такая запутанная! – Я прикрываю уставшие глаза и тру себе веки. – И чем больше я на эту тему читаю, тем... – Звонит другой мобильник. – Минутку, ладно? – Я кладу свой личный телефон на стол, достаю другой из кармана и говорю в него: – Автобусная кампания, Филипп Мёллер, добрый день!»

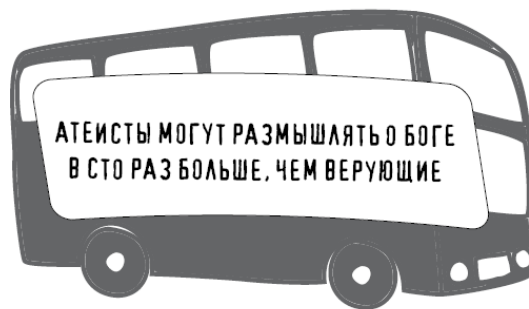
«Добрый день, господин Мёллер, – говорит приветливый мужской голос: – Георг Хэберле из Юго-Западного радио, добрый день!»

«Добрый день, господин Хэберле! – говорю я в оба телефона и сбрасываю звонок Сары. И поскольку несколько моих коллег смотрят на меня с удивлением, я встаю и с одним телефоном в руке и с другим, прижатым к уху, спасаюсь бегством из учительской. – Это замечательно, что вы звоните! Чем я могу вам помочь?»

«Мы вас приглашаем принять участие в нашей передаче в качестве гостя в ток-шоу! Мы подобрали название, которое могло бы вам понравиться: “Больше видимость, чем святость – насколько церковь заслуживает доверия?”»

«Примерно настолько же, насколько ее собственные сказки!» – Я смеюсь, а господин Хэберле соглашается: – «Сказка о Деве Марии, например, или о том, как церковь занимается благотворительностью, раздавая деньги бедным!» «Именно ради подобных заявлений вы нужны нам в нашем ток-шоу! – Я слышу, как шуршит бумага. – Могу ли я понять это как ваше согласие?»

«Ну, разумеется! Какова точная дата? – спрашиваю я, хотя точно знаю, что ради этого отменил бы все остальные дела. – Через три недели? Минутку... – Я быстро хватаю несколько рекламных буклетов, лежащих на подоконнике, и шуршу ими. – Сейчас справлюсь в своем расписании... Да, это подходит!»

«Отлично! Мы наметили пару горячих тем и пригласили интересных собеседников, среди них – самый молодой епископ в Германии и самый натуральный священник из братства Пия²⁷... Так-то вот! – Он долго и громко смеется. – Если б мне не давали проводить ток-шоу, я просто стал бы асоциальным элементом! Но ваше согласие нас очень радует! Все должно пройти так же, как обычно бывает в ток-шоу».

«А-а, понятно...» «О Боже! – говорит он, и звук при этом такой, словно он прикрыл рот ладонью. – Неужели это ваше первое...»

«Мое первое ток-шоу? – У меня сильнее забилося сердце. – Да...»

Три недели спустя мой самолет приземляется в Штутгарте и я, с мармеладом на коленях и пудингом в руках, достаю из верхнего отделения свою небольшую сумку на колесах. С момента телефонного разговора с господином Хэберле и особенно с момента подробной предварительной беседы с модератором Виландом Бакесом мое давление подскочило до ста восьмидесяти. Да и, видимо, мне свойствен один из самых старых атеистических предрассудков: будто я размышляю о Боге в сто раз больше, чем большинство людей, которые в Него верят.

Чтобы быть совершенно честным, в последнее время я просыпаюсь утром с Богом; успешно ломаю голову над Троицей, стоя под душем; за завтраком безуспешно пытаюсь решить проблему теодицеи; пока еду в школу, читаю под крупными заголовками новости из чудесного мира религиозной бредятины; на маленьких переменах качаю головой по поводу религиозно обусловленного креационизма и сексизма²⁸ у многих четвероклассников из мусульманских семей; на большой перемене помогаю девятилетней девочке, с кем-то подравшейся, снова укрепить головной платок, который должен защищать ее от похотливых взглядов мужчин; успокаиваю свою измученную учительскую душу, слушая в наушниках по дороге домой *Stabat Mater* Вивальди; после полудня в очередной раз разоблачаю «пару Паскаля» как бессмыслицу; вечером дискутирую о несовместимости науки и теологии и, даже засыпая, думаю ни больше ни меньше как о Боге и мире – и между тем религия кажется мне такой сложной, необозримой и многоплановой и одновременно такой абсурдной и опасной штукой.

²⁷ Религиозная организация католиков-традиционалистов, созданная в 1970 году архиепископом Марселем Лефевром и не признающая решений Второго Ватиканского Собора.

²⁸ Сексизм – мировоззрение, при котором утверждаются неравное положение и разные права полов.

Итак, незадолго до моего первого ток-шоу мое недоумение по поводу почти бесконечной нелепости религий, вне сомнения, достигло своей первой критической точки. Лишь во время уроков мой атеистический ум успокаивается, потому что там мне требуются все мои нервные клетки, чтобы держать детей под контролем и удерживать их от всеобщего мордобоя.

«Удачи в Штутгарте!» – говорит бортпроводник на выходе из самолета, на что я отвечаю вымученной улыбкой. Затем взмокнувшими ладонями стаскиваю свой дорожный чемодан с багажной карусели и наконец выхожу через матово стеклянные двери аэропорта.

«Приветствую вас, господин Мёллер!» – кричит кто-то из толпы мужчин, ожидающих на выходе с табличками, на которых написаны имена прибывших. Мне машет крупный угловатый блондин в солнцезащитных очках. – Георг Хэберле, – говорит он низким, но мягким голосом, пожимая мне руку. – Как здорово, что вы здесь! – Он снимает очки и смотрит на меня стальными синими глазами. – Сегодня вы нам выложите всю правду! Обещаете?»

«Безусловно, я сделаю, что смогу!» – Мое сердце бьется так громко, что я воспринимаю собственный голос, словно он звучит из смежного пространства. – А остальные гости уже здесь?»

«Да, потому-то я и говорю!» – Он хлопает себя по голове ладонями и бежит рядом со мной. Подойдя к машине, он берет мою сумку, кладет ее в салоне сзади и открывает мне дверцу. – По дороге я расскажу вам еще кое-что о наших гостях, ладно? – Он глядит на мою руку. – Нервничаете?»

«Еще как!»

«Ах, право же, не стоит! Мне подобает сохранять нейтралитет, однако я скажу вам кое-что!» – Он снова снимает свои темные очки и смотрит на меня в упор. – Трудно поверить, но, похоже, эти церковные братья – типы довольно неприятные!»

«Все так плохо?»

«Хуже некуда! Если вы меня спросите...» – Он крутит указательным пальцем у виска. – Но вы сами себе представьте их образ; а главное – ни о чем не беспокойтесь, господин Мёллер! – Он слегка хлопает меня по плечу и снова надевает очки. – Поверьте мне: такие типы сами себя разоблачают! – Он улыбается, потом смотрит на меня оценивающе. – Но скажите-ка: серебристый пиджак – это обязательно?»

«Он серый! Разве он плохо смотрится?» – Я оглядываю сам себя и приглаживаю ткань. – Я специально ходил в H&M...»

«Господи!» – Он поправляет мне лацкан и сморщивает нос. – И к этому – голубая рубашка? Похоже, вы собрались выступить сегодня в роли банкира?» – Приподняв брови, он смотрит на мою сумку. – А еще что-нибудь у вас есть с собой?»

«Я прихватил еще одну рубашку».

«Цвет?»

«Белая в полоску».

«Полосатая не пойдет. Что еще?» «Только моя рубашка с надписью “безбожно счастлив”».

«Да ну!» – Он улыбается. – Покажите-ка!» – Я даю ему рубашку, он держит ее перед собой и читает надпись с подзаголовком: – “Полноценная жизнь не нуждается в вере” – это же просто супер! Это же чистой воды сплошная провокация! Это мы берем!» – Он вне себя от радости. – Ну а теперь поехали в наш замок...»

Несколько минут спустя в ступающих сумерках мы въезжаем по гравийной дороге в кованные стальные ворота и останавливаемся перед помпезно украшенным и ярко освещенным небольшим замком в стиле барокко, откуда и должно транслироваться ток-шоу. Я дышу себе на ладони, чтобы они не были мокрыми от волнения, делаю глубокий вдох, а после того, как я вылез из минивэна фольксвагена, я воспринимаю все так, словно это происходит в кино: ассистентка режиссера, которая вводит меня в замок и в мою роль, гримирует меня, пудрит мне кожу, затем множество рук, которые я должен пожать, закуски, которые мы можем есть за кулисами, лица двух священников, которые расхаживают в рясах и мантиях с такими нарочито огромными крестами на шеях, что я готов расхохотаться. Но сдерживаюсь.

«Привет, я Бенедикт, – внезапно предо мной вырастает очень худой парень, который сегодня явно отберет у меня звание самого молодого гостя. – Ты атеист, да?»

«Точнее сказать, я натуралист, но это слово многие понимают так, словно я на досуге все время расхаживаю голым. – Я косо усмехаюсь и мысленно призываю себя избежать подобных комментариев во время передачи. – Ну и атеист тоже. Я Филипп, привет!»

«Я Бенедикт, – повторяет он и откупоривает банку колы. – А во что верят натуралисты?»

«Ни во что; в этом суть натурализма».

«Но разве это не является тоже верой? – спрашивает он осторожно. – Верой в то, что ничего нет?»

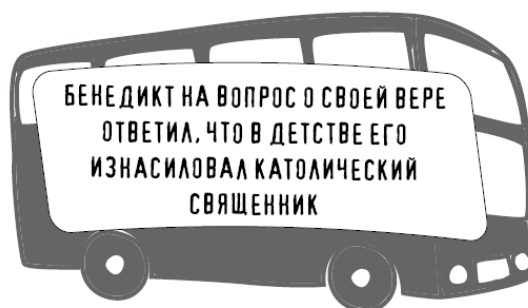
«Нет, в то, что ничего нет, верят нигилисты. Натуралисты же просто не верят. Они не принимают на веру никаких утверждений, кто бы их ни высказал и кто бы ни сделал их непреложными. – Я вижу, как он хмурится, и прибегаю к формуле моего друга Михаэля Шмидта-Саломона. – Как натуралист, я исхожу из того, что все во вселенной происходит закономерно и что ни боги, ни иные сказочные существа в законы природы не вмешиваются».

«О'кей, это мне понятно! – Он кивает и улыбается. – И поэтому вы все время расхаживаете голыми?»

«Не-ет, не поэтому! – Мы смеемся, и один из пиевых братьев бросает на нас взгляд искоса. – А ты? – спрашиваю я Бенедикта. – Ты чем занимаешься?» «Я в таком случае тоже натуралист, хотя раньше я об этом не знал. – Он прокашливается. – И... жертва дурного обращения».

«Что-что?» – Я перестаю улыбаться.

«Когда я был маленьким, наш католический пастор подвергал меня сексуальному насилию».

«Вот дерьмо!» – вырывается у меня.

«Именно! – Он делает глоток колы и ждет, пока пиев брат отойдет подальше. – Хотя преступника и приговорили по закону, церковь просто переместила его в другой приход, где он безмятежно продолжал свои домогательства».

«Невероятно!»

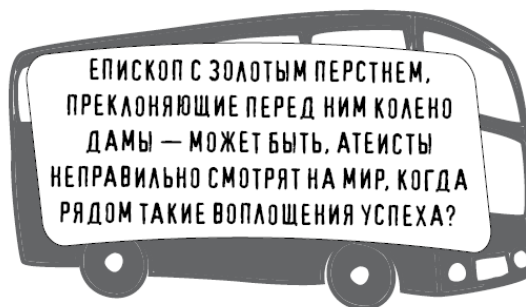
«Да, как почти все в церкви. – Бенедикт пожимает плечами. – Но, к сожалению, там система и традиция».

«Всем добрый вечер! – внезапно слышим мы звонкий и спокойный голос какого-то необычайно дружелюбного пожилого господина. – От всей души приветствую вас всех в моей передаче! Прежде чем она начнется, я бы хотел, чтобы вы познакомились друг с другом. Прошу садиться».

Виланд Бакес указывает на круг стульев и садится после всех. Он по очереди представляет гостей: военного епископа и мюнстерского викарного епископа Франца-Йозефа Овербека, католического священника из братства Пия Андреаса Штайнера, уполномоченное лицо по делам культуры в Евангелической церкви Петру Бар, жертву насилия Бенедикта Трайбеля, председателя Ассоциации геев и лесбиянок Германии Акселя Хохрайна, безбожно счастливого Филиппа Мёллера и Илону Баумгартнер, которая много лет потратила на создание добровольной группы «тафель»²⁹ для Евангелической церкви, но не была принята на постоянную должность из-за того, что не принадлежит к какой-либо конфессии.

«Видите, какая интересная собралась компания! – говорит господин Бакес. – И у нас целых девяносто минут. Сейчас вам прикрепят микрофоны, а потом мы сфотографируемся в зале для прессы, а на сцене вы найдете свои места по табличкам с вашими именами. Хорошо?»

Он дружелюбно кивает нам, затем мы все послушно семеним вслед за господином Бакесом за кулисы. Бенедикт тоже дует себе в потные от волнения ладони, когда мы входим в зал, где вокруг ярко освещенной сцены уже сидит публика и хлопает при появлении хозяина. Все гораздо меньшего размера, чем выглядит по телевизору. Все места заняты.

²⁹ «Тафель» (букв. нем. «обеденный стол») – это некоммерческая организация, которая распределяет среди нуждающихся бесплатную (просроченную, но еще качественную) пищу. Группы «тафель» действуют в Германии с 1993 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.